

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЦЕНАРИЙ

[Сцена 1

Буржуазный дом. Интерьер. День. Коридор и дверь. Слышится многократно повторяющийся... звонок колокольчика. Пожилая женщина, явно прислуга, торопливо направляется к входной двери. Открывает. На пороге двое мужчин в темных костюмах. Прислуга вопросительно смотрит на незнакомцев, которые бесцеремонно входят в дом. Мужчины проходят вглубь, сбитая с толку прислуга следует за ними. Они достигают двери, открывают ее. Через открытую дверь мы видим кабинет. За массивным письменным столом, заваленным горами книг, сидит пожилой человек. Он отрывает голову от бумаг, с любопытством и удивлением снимает очки. Посетители вынимают пистолеты и стреляют. На какое-то мгновение жертва замирает, потом падает головой на стол.]¹

[Сцена 2

Загородная дорога вдоль Рейна. Натура. Ночь. На большой скорости мчится автомобиль. На заднем сиденье трое мужчин. Тот, что посередине, достаточно молод, он сидит неподвижно, глаза его широко открыты. Вскоре машина замедляет ход и останавливается. Двое на заднем сиденье вытаскивают из машины того, что был между ними. Натура. Машина отъезжает, быстро набирая скорость. Неизвестный остается неподвижно лежать на земле, его глаза все так же широко открыты. Вдалеке вздымаются силуэты высоких труб, огромных и сумрачных строений, освещаемые огненными языками доменных печей.]¹

Сцена 3

Замок. Столовая. Интерьер. Вечер. Руки мажордома снимают с большого подноса, внесенного слугой, элегантный держатель для бумаг и ставят его рядом со столовым прибором на большой, роскошно сервированный стол. Держатель для бумаг выполнен в виде дра-

¹ Сцены, взятые в скобки, при окончательном монтаже не вошли в фильм.

кона, в пасть которого вложена карточка с именем гостя: барон Иоахим фон Эссенбек. Мажордом продолжает раскладывать на столе карточки, каждый раз беря их с подноса. Читаем другие имена: господин Герберт Тальман, баронесса Софи фон Эссенбек и т. д.

Сцена 4

Замок. Ванная комната в апартаментах Константина. Интерьер. Вечер. Ванна заполнена до краев. Из воды вырастает тучное и мокрое тело Константина.

Константин. Янек!

Молодой слуга кидается к барону. В его речи слышится иностранный акцент, в тоне — услужливость и фамильярность одновременно.

Янек. Вот он я, господин барон!

Янек начинает тереть ему спину нитяной рукавицей. Константин явно недоволен вялыми движениями слуги.

Константин. Давай же, ну, три сильнее!

Янек начинает действовать энергичнее, доставляя удовольствие своему хозяину.

...Все уже собрались?

Янек. Все? Нет, господин барон.

Константин. Кого нет?

Янек. Господина Брукмана и гауптштурмфюрера Ашенбаха, которые должны прибыть из Мюнхена.

Константин. А старик... э-э... (*исправляясь*)... барон Иоахим?.. Он уже в гостиной?

Янек. Господин барон Иоахим в своих апартаментах, он готовится к обеду, и другие тоже.

Константин знаком приказывает Янеку заканчивать и, собираясь выходить из ванной, спрашивает.

Константин. А мой сын?

Янек (*улыбаясь*). Разве господин не слышит его?

Сцена 5

Замок. Смежные гостиные. Интерьер. Вечер. Звучит виолончель. Тильда, девочка лет десяти, отодвигает портьеру и высовывает голову. В смежной гостиной семнадцатилетний Гюнтер намеревается еще раз сыграть на виолончели... адажио Баха. Девочка, помявшись, переступает порог и подходит к юноше. Шепотом окликает его:

Тильда. Гюнгер! Гюнгер!

Гюнгер замечает ее, отрывается от виолончели, улыбается. Затем возвращается к своим занятиям, проигрывая снова только что звучавшие такты, но Тильда знаком просит его остановиться. Гюнгер отодвигает инструмент и смычок, поднимается. Тильда берет его за руку и вместе с ним выходит из музыкальной гостиной.

Гюнгер. Что ты хочешь?

Тильда. Идем... идем со мной...

Гюнгер. Ну, что ты хочешь?

Сцена 6

Замок. Лоджия и гостиная, расположенная под ней. Интерьер. Вечер. Девочка и юноша выходят на лоджию, которая располагается над гостиной для приемов, где слуги под руководством энергичной гувернантки расставляют кресла перед небольшой сценой, закрытой занавесами.

Тильда. Видел?

Гюнгер (*с видом превосходства*). Все как в прошлом году, Тильда, ни больше ни меньше.

Тильда. Да, только в прошлом году я была среди зрителей, а вот сегодня вечером... (*она пожимает плечами*)... если не забуду свою роль...

Гюнгер (*шутливо*). Это будет великий дебют! Завтра твое имя появится во всех газетах!

Сцена 7

Замок. Комната Мартина. Интерьер. Вечер. Красиво уложенный белокурый парик снимают с головы манекена. По ковру разбросаны пара лаковых туфель на высоком каблуке, широкополая шляпа из черного бархата. Неразборчиво говорят двое. Сдавленный смех.

Сцена 8

Замок. Комната барона Иоахима фон Эссенбека. Интерьер. Вечер. Перед огромным барочным зеркалом, достойным короля Людовика XIV, старый барон Иоахим фон Эссенбек с помощью слуги оправляет складки фрака. Затем барон оборачивается и устремляет взгляд в угол комнаты, где расположен комод, уставленный фотографиями. Барон подходит к комоду, берет к руки рамочку, в которой слегка выцветшая фотография офицера, пилота войны 14—18

годов. Он подносит портрет к губам. Целует его. Затем любовно ставит на прежнее место.

Иоахим. Так будет хорошо, спасибо... спасибо...

Старый слуга проводит щеткой, и оба выходят.

Сцена 9

Замок. Апартаменты Элизабет и Герберта. Интерьер. Вечер. В своей комнате Элизабет почти закончила приготовления к обеду. Из-за двери, ведущей в комнату Герберта, до нее доносится возбужденный голос мужа.

Голос Герберта. Компромисс сегодня, компромисс завтра — и в один прекрасный день мы даже стульев своих не найдем.

Элизабет (*пытаясь переменить тему*). Да, дорогой! Я почти готова. Ты же знаешь, какое большое значение придает дядя Иоахим пунктуальности! А сегодня особенный вечер!

Герберт появляется на пороге. Ему не удается застегнуть манжеты.

Он протягивает руку жене.

Герберт. Ты не могла бы мне помочь?

Элизабет принимает за первый манжет.

Элизабет. Любовь моя, если ты не будешь стоять смирно, я не смогу...

Герберт. Спасибо, дорогая. Нет... Нельзя всегда и во всем соглашаться. Эти люди не из порядочных. Чем больше их кормишь, тем они голоднее.

Элизабет принимает за второй манжет, а Герберт распаляется.

Элизабет (*ласково*). Сокровище... Вот уже сорок лет дядя Иоахим ведет наш корабль, и делает это твердо и умело.

Герберт (*с иронией*). Умело! Ты выбрала точное слово. Любезность — либералам, комплимент — национал-социалистам. Он благоволит и ко мне, и к Константину...

Элизабет. Герберт, сейчас ты не прав. Никогда дядя Иоахим не питал нежности к «этому господину»...

Герберт. Потому что он сноб... Если бы Гитлер не был сыном таможенника и кухарки, барон фон Эссенбек уже давно бы ринулся в его объятия.

Элизабет (*улыбаясь*). Да, я знаю это. Но ты должен признать, что он всегда прислушивался к тебе, а национал-социалистам никогда и марки не дал.

Герберт. Он не делал этого только потому, что скуп.

Элизабет нежным поцелуем прекращает дискуссию. Герберт смеется и меняет тему.

Герберт. А что девочки?

Элизабет возвращается к туалетному столику, чтобы завершить свой грим.

Элизабет. О, они так прелестны, ты увидишь. Я думаю, они будут очень волноваться. Иди сюда, пойдем посмотрим, готовы ли они. Пойдем, Герберт...

Герберт. Я готов.

Он поднимается и направляется к двери. Слуга протягивает Герберту носовой платок, который тот кладет в верхний карман.

Сцена 10

Замок. Широкая парадная лестница. Интерьер. Вечер. По лестнице спускается гувернантка, держа за руки двух сестренок, Тильду и Эрику, 11 и 8 лет. Девочки одеты просто, но элегантно, в их длинные белокурые волосы вплетены одинаковые красные банты. Они по очереди читают строчки английского стихотворения.

Гувернантка. Тильда...

Тильда (*первое четверостишие на английском*).

Гувернантка слушает, наклонами головы подчеркивая ритм.

Эрика (*пробормотав несколько английских слов, умолкает*).

Гувернантка (*в отчаянии*). Нет, нет, нет, все сначала...

Потом сама начинает подсказывать... (*стихи на английском*). Эрика подхватывает.

Эрика (*продолжает читать стихотворение на английском языке*).

Гувернантка, вздохнув, продолжает спускаться по лестнице вслед за девочками.

Сцена 11

Замок. Гостиная. Интерьер. Вечер. Гувернантка останавливается на пороге гостиной и как бы «выпускает» девочек. Тильда и Эрика, порхая, направляются к старому Иоахиму, который уже устроился в своем кресле. Две правнучки подлетают к нему, по очереди делают книксен, целуют руку.

Иоахим. Подойди сюда. Спасибо, спасибо, золотце... Малышка моя...

Тильда. Поздравляем, поздравляем, дедушка Иоахим.

Стоя на пороге гостиной, гувернантка подобострастно кланяется барону.

Гувернантка. С днем рождения, господин барон.

Сцена 12

Замок. Комната Константина. Интерьер. Вечер. Константин продевает в петлицу смокинга знак отличия СА.

Константин. Янек!

Под бдительным оком Янека с удовлетворением смотрится в зеркало.

Сцена 13

Замок. Коридор. Интерьер. Вечер. Герберт и Элизабет идут по коридору. Они торопятся, боясь опоздать. Проходя мимо закрытой двери, они слышат... смех юноши и женщины.

Элизабет (*Герберту*). Вот двое... закрылись и смеются.

Сцена 14

Баварский пейзаж. Натура. Ночь. По дороге, круто петляющей между горами, покрытыми темными еловыми лесами, на большой скорости мчится автомобиль. За рулем — Фридрих, рядом с ним молодой человек в черной форме офицера СС — это Ашенбах. Разговор между ними продолжается.

Фридрих. С самого рождения она была окружена людьми, которые твердили ей: ты самая умная, ты самая богатая, тебе все завидуют, ты — баронесса фон Эссенбек. Так могу ли я просить ее стать госпожой Брукман? Женой какого-то там директора завода, носящего ее имя?

Ашенбах. Какой-то там директор — но ведь это не предел. Ты пользуешься доверием дяди Иоахима. Ни Герберт, ни Константин не принимают без тебя ни одного решения. Не кажется ли тебе, что это уже кое-что?

Фридрих. Ну разве что кое-что... Но для Софи этого недостаточно. Понятно, что я определенную карьеру сделал, однако в конечном счете я всего лишь один из их служащих. Видишь ли, если бы даже мы решили пожениться, я бы одним махом потерял и доверие и симпатии барона фон Эссенбека. Ему нравится держать ее подле себя как неутешную вдову возлюбленного сына... героя...

Ашенбах. Идиот!

Фридрих. Ну и, по всей видимости, меня бы немедленно уволили.

Ашенбах. Нет, Фридрих, ты ошибаешься. Сегодня даже он,

с его десятью тысячами рабов, работающих на его заводах, со всеми его миллионами, с его замками, уже не так всемогущ, чтобы вышвырнуть тебя вон. Потому что сила — это мы, а мы хотим, чтобы ты оставался там, где ты есть. Представится случай, и ты поднимешься еще выше...

Фридрих с любопытством смотрит на него, Ашенбах смеется. Смеется и Фридрих.

Фридрих. У кого же я должен украсть место? У Герберта? Ашенбах улыбается, оставляя вопрос без ответа. Неожиданно, за одним из поворотов, в вышине, среди лесов, неприступный, как Валгалла, вырастает замок. Мужчины смотрят на него, и на мгновение их беседа обрывается.

Затем Фридрих продолжает.

Фридрих. Герберт должен уйти, и это ни для кого не секрет. Его враждебность к национал-социализму уж слишком откровенна. Но Константин...

Ашенбах обрывает смех.

Ашенбах. Константин? Он действительно кажется тебе столь значительной фигурой?

Фридрих. Ну, он член СА, он близок к самому Рёму...

Машина въезжает на большую площадь перед замком и, приближаясь к воротам, замедляет ход.

Ашенбах. Тяжелая промышленность нуждается в таких людях, как ты. Наш канцлер питает слабость к тяжелой промышленности.

Машина останавливается. К ней подходит слуга, чтобы открыть дверцы. Прежде чем выйти, Ашенбах дотрагивается до руки Фридриха.

...Во всяком случае, все, о чем я говорил... относится не к Константину.

Сцена 15

Замок. Гостиная. Интерьер. Вечер. На маленькой импровизированной сцене Эрика и Тильда читают стихотворение.

Эрика и Тильда (*последние строки стихотворения на английском языке*).

В центре первого ряда кресел сидит Иоахим; справа от него Элизабет; слева — Константин; по одну сторону Герберт и Гюнтер; по другую — гувернантка. Позади толпятся слуги, которые после каж-

дого выступления усердно аплодируют. Затем вновь воцаряется тишина. Иоахим, обернувшись к Элизабет, говорит шутливо.

Иоахим. Ты думаешь, мне следовало бы их вызвать на «бис»? Элизабет (*в таком же шутливом тоне*). И не один раз, но все же не рискуй просить их об этом.

Иоахим с любовью кладет свою руку на руку Элизабет.

Иоахим. В таком случае я вынужден отказаться.

Из-за сцены появляются девочки, за ними следует гувернантка. Они подходят к родителям и деду.

Элизабет. Эрика!

Иоахим. Какая же ты стала умница! Очень, очень хорошо... В самом деле, молодец! Теперь садитесь рядом со мной. И большое спасибо. И вы, фройлейн, тоже молодец...

Константин. Молодец! Очень хорошо...

Тем временем на сцене появляется Гюнтер. И сразу же приступает к исполнению соло для виолончели.

Сцена 16

Вестибюль замка. Интерьер. Вечер. Слуга поднимается по лестнице с багажом Ашенбаха и Фридриха; другой слуга помогает им снять плащи.

Ашенбах (*Фридриху*). Ты сам установил себе рамки. У тебя слишком много амбиций, и ты озабочен только карьерой. Софи это не понравится.

Слова Ашенбаха неприятны Фридриху. Мужчины направляются к гостиной, из которой доносятся звуки виолончели Гюнтера.

Ашенбах. Тебя так беспокоят Герберт и Константин, что ты забываешь о более важной персоне, чем они,— об Иоахиме.

Фридрих ошеломлен, Ашенбах продолжает наступление.

Ашенбах. Неужели ты не понимаешь, что сегодня в Германии всякое может случиться, даже самое невероятное? И это только начало, Фридрих...

Он уже почти у порога гостиной. Ашенбах на миг задерживает Фридриха.

Ашенбах (*цитирует с иронической высокопарностью*). «Частная мораль мертва. Мы — общество избранных, которым дозволено все...» Это слова Гитлера, дорогой кузен... И тебе тоже следовало бы подумать над ними... (*Со странной улыбкой.*) Сегодня ночью, например.

Мужчины входят в гостиную.

Сцена 17

Замок. Гостиная. Интерьер. Вечер. Гюнтер завершает свое превосходное выступление. Аплодисменты и комментарии.

Иоахим. Прекрасно, Гюнтер, великолепно. Мне очень понравилось. Сердечное спасибо.

Иоахим жестом подзывает внука, а сам тем временем выражает свое восхищение Константину.

Иоахим (*Константину*). Я знаю, что для тебя все это не имеет никакого значения, но у твоего сына подлинный талант к музыке. Гюнтер возвращается на свое место рядом с гувернанткой. Фридрих и Ашенбах приветствуют старого барона и рассаживаются. Константин делает жест, словно говоря: ну что ж я могу с этим поделать? Затем хлопает по плечу сына, будто желая сказать: прекрасно, прекрасно, но почему бы тебе не выучиться чему-нибудь полезному?

Старик пожимает руку внука.

Фридрих. Добрый вечер...

Иоахим. О-о-о!

Ашенбах. Добрый вечер, дядя...

Иоахим замечает вновь прибывших гостей и едва уловимым движением руки отвечает на их приветствие. В этот момент слуга, который продвигался вперед на цыпочках, чтобы не помешать исполнению номера, подходит к Константину, склоняется и шепчет ему что-то на ухо. Константин поднимается и, сделав полупоклон в сторону Иоахима, торопливо направляется в глубину гостиной, к выходу.

Константин. Прошу простить меня. Телефон.

Пристальным взглядом Ашенбах провожает Константина. Тщедушный пианист, невидимый из партера, начинает аккомпанемент. Шепот между присутствующими тотчас смолкает. Все с большим любопытством смотрят на... открывающийся занавес. Теперь на сцене сидящая верхом на стуле женская фигура, точная копия Лолы из «Голубого Ангела». Ее ноги, открытые до бедер, затянuty в черные прозрачные чулки, на голове широкополая шляпа из черного бархата с вуалью, поднятой наверх. Она начинает петь характерным хриловатым голосом Марлен, почти без интонаций... Песня «Kinder, Neut'abend, da such'ich mir was aus»¹. От неожиданности Иоахим беспокойно зашевелился в своем кресле. Взорвался громким хохотом Константин. Зааплодировали девочки.

¹ «Мальчики, сегодня я вас выбираю...» (*нем.*)

Вокруг, особенно среди слуг, воцаряется замешательство, слышатся несколько еле сдерживаемых смешков.

За портьерой, которая служит занавесом, лицо женщины. Она необычайно красива, в ней чувствуется напряжение, но песню подставной Лолы она поет с удовольствием. Это Софи. Подставная Лола продолжает свое выступление, она поднимается со стула, выходит к зрителям, останавливается, широко расставив ноги, с видом наглым и вызывающим. Неожиданно голос Константина.

Константин. Тихо, пожалуйста!.. Тихо, пожалуйста..

Зрители оборачиваются к Константину, который, лавируя между креслами, говорит изменившимся голосом.

Константин. В Берлине горит рейхстаг!

Все вскакивают, заговаривают одновременно. Остаются сидеть только Иоахим, напряжение и скованность которого выдают волнение, и Ашенбах, который совершенно не выглядит удивленным. Поскольку подставная Лола не прервала своего номера, Герберт кричит ей.

Герберт (*громко*). Ну хватит! Пожалуйста! Прекрати!

Подставная Лола останавливается. Смотрит на Герберта с раздражением и обидой.

Константин. Пожар начался полчаса назад. Бесспорно, это заговор... Впрочем, кажется, виновник, что естественно, уже арестован. Он голландец, член коммунистической партии...

Герберт (*иронически*). Конечно же, коммунист.

Константин (*продолжает с силой*). Второй преступник-коммунист, выступающий против правительства.

Иоахим с трудом поднимается из кресла, Элизабет и Гюнтер поддерживают его. Он медленно направляется к выходу. Остальные следуют за ним. Софи нагоняет Фридриха в центре гостиной. Фридрих целует ей руку, и оба, сопровождаемые Ашенбахом, выходят. На сцене, все так же широко расставив ноги, стоит подставная Лола, она смотрит вниз, на своих зрителей, спешно покидающих гостиную. Она так разгневана, будто пожар был затеян с единственной целью сорвать ее выступление. Она лениво стягивает с головы белокурый парик вместе со шляпой и бросает их на пол.

Перед нами юноша лет двадцати: это Мартин.

Мартин. Скопище идиотов!

Сцена 18

Замок. Столовая. Интерьер. Вечер. За столом гости, сидящие в таком порядке:

Иоахим

Элизабет	Тильда
Мартин	Ашенбах
Эрика	Гюнтер
Фридрих	Гувернантка
Герберт	Константин

Софи

В начале сцены место Ашенбаха пусто. Обед начался недавно и проходит в напряженном молчании. Гости, подавленные общей тревогой, едят неохотно. Слуги проворно обслуживают их, меняют тарелки, наполняют бокалы. Разговор завязывается с трудом. Мы застаем его на неудачной реплике Мартина.

Мартин. Что за идея поджечь парламент именно сегодня вечером... (Иоахиму.) Не правда ли, дедушка? День рождения испорчен...

Вдруг слышится... шум шагов. Гости оборачиваются к двери... из которой появляется Ашенбах. Он садится на свое место, делает легкий наклон головой в сторону Иоахима, как бы вновь принося свои извинения. Потом замечает, что внимание всех присутствующих приковано к нему. Тянет время, прежде чем начать говорить.

Ашенбах. Это было мое командование из Берлина. Им пока не удастся погасить пожар... Все берлинцы высыпали на балконы и наслаждаются зрелищем.

Константин. Может быть, мне не следует оставаться здесь. Войскам СА приказано находиться в казармах.

Софи. Отчего ты так беспокоишься? Государственный переворот провалился...

Герберт (Константину, язвительно). В конце концов твой боевой пост не в Берлине. Во всяком случае, до сегодняшнего дня он был не там.

Константин бросает взгляд на Герберта.

Фридрих. Как бы там ни было, уже то обстоятельство, что зачинщики заговора обнаружены, доказывает...

Герберт (обрывая его). Какого заговора? Ясно, что это всего лишь предлог.

Софи (миролюбиво). Это необоснованное утверждение.

Константин. Утверждения Герберта слишком часто бывают необоснованны.

Ашенбах. Это провокация, пойти на которую могли только те, кто против правительства.

Герберт. Если и существует кто-то, кому для управления страной не нужен парламент, так это ваш канцлер.

Элизабет (с тревогой). Герберт, прошу тебя.

Герберт. Вся Германия знает о «черных списках». Теперь появился повод для обвинения оппозиционно настроенных людей, причем без суда и при закрытых дверях. И вся Европа смотрит!

Фридрих. Внутренний порядок Германии не может интересовать Европу.

Герберт. Какой внутренний порядок? Тот, что позволяет твоим друзьям врывать в дома, после чего исчезают люди?

Элизабет (*обеспокоена*). Герберт, прошу тебя!..

Герберт. Не ваш ли это Геринг посулил веревку и мыло врагам третьего рейха, чтобы повесить их?..

Константин. Ты теряешь голову, Герберт!.. Геринг подразумевал коммунистов... Может быть, и ты коммунист?

Герберт. Сегодня очередь коммунистов, а завтра?

Софи (*примирительно, но со скрытой злобой*). Не тревожься за завтрашний день... В Берлине уже сейчас есть кому об этом позаботиться... (*Ашенбаху*.) Не так ли?

Ашенбах. Ты замечательно сказала, кузина Софи... Единственная наша забота — чувствовать дядю Иоахима... (*таинственно*), даже если нынешняя ночь не похожа на другие.

Иоахим задувает свечи на торте. Все аплодируют. Поднимают бокалы, пенящиеся вином, пьют. Иоахим выглядит подавленным. Он обводит взглядом собравшихся, затем легко трижды стучит ладонью по столу, привлекая внимание. И пока он, неуверенно и нетвердо, произносит свою речь, все взгляды прикованы к нему.

Иоахим. Я уже давно собирался сказать вам то, что скажу сейчас. Драматические события, которые произошли в эти последние часы... вынуждают меня побороть сомнения... и неуверенность. (*После короткой паузы продолжает.*) Вы знаете, что все эти годы у меня была одна забота: поддерживать единство и престиж нашего дела. Поэтому я всегда стремился быть на уровне наших задач и нашего производства, приспособливая их к обстоятельствам... В годы войны, в мирные годы, в период кризиса... (*Он снова делает паузу.*) Герберт проявляет нетерпение. Иоахим замечает это и смущается. Затем снова начинает говорить. Пока Иоахим держит речь, мы наблюдаем за лицами присутствующих.

...Теперь же, в свете последних драматических событий, я полагаю, что было бы, как никогда, необходимо принять меры, которые бы защитили сталелитейные заводы Эссенбеков от возможного политического давления или от других, более серьезных неприятностей... Вы должны признать, что я никогда не благоволил к этому режиму... Вы все знаете, что у меня никогда не было и никогда не будет никаких отношений с *этими господами*.

Напряженное лицо Герберта. Понимающими взглядами обмениваются Ашенбах и Фридрих.

...Вместе с тем интересы завода.. (Иоахим обращает взгляд на Константина.) наша производственная деятельность вынуждают нас... поддерживать с этими людьми ежедневные контакты. Вот почему я ощущаю неизбежную необходимость иметь рядом человека, который этот режим приемлет, что могло бы гарантировать нам...

Герберт (с достоинством и решимостью). Некоторое время назад я подготовил все к отставке, Иоахим, если вы об этом хотите просить.

Иоахим (смушаясь). Я вынужден сделать это, Герберт, против своего желания и без абсолютной убежденности в правильности своего решения. Но сталелитейные заводы...

Герберт (прерывая его, пылко). Так или иначе, превыше всего. Ваше кредо всегда было таким. Вы даже сына своего послали на бойню, чтобы потом иметь право сказать: смотрите, Эссенбеки с одинаковым чувством производят на свет пушки и сыновей и с одинаковым чувством их хоронят!

Иоахим резко ударяет ладонью по столу, прерывая Герберта. Константин с угрожающим видом вскакивает. Элизабет сдерживает дыхание. Герберт же поднимается совершенно спокойно, смотрит в глаза Константину.

Герберт. Я поздравляю тебя, Константин... Ты будешь таким вице-президентом, какого мы заслуживаем...

Мужчины с вызовом смотрят друг на друга.

Элизабет. Идем, Герберт, прошу тебя...

Элизабет подходит к мужу и, нежно обняв его за плечи, ведет к выходу. Константин садится, но не на свое место, а на место Элизабет, справа от Иоахима. Просит вина для себя и для старого барона, затем подносит ему наполненный бокал, который Иоахим не берет. Тогда Константин дерзко ставит бокал перед ним. Поднимая свой бокал, он поворачивается к остальным гостям. Гости едва поднимают свои бокалы. Гюнтер неохотно участвует в тосте. Иоахим даже не поднимает глаз. Говорит только Константин с гротесковой торжественностью.

Константин. Надеюсь, я не повторю своего предшественника. (Смотрит на Фридриха.) Согласен, Фридрих? (Громко смеется.)

Фридрих отвечает ему улыбкой; затем смотрит на Софи, которая будто окаменела. Все пьют. Ашенбах, внимательным взглядом изучив присутствующих, пьет последним. Затем поворачивается к Фридриху. Мартин трижды стучит вилкой о стакан, будто от безделья. Затем в напряженном молчании, сковавшем стол, начинает

напевать вполголоса веселую песенку, уже звучавшую чуть раньше...

Сцена 19

Замок. Гостиная. Апартаменты Софи. Интерьер. Ночь. Фридрих говорит отрывочно, его голос дрожит. Напротив него, в кресле —

Софи, она слушает Фридриха с напряженным вниманием.

Фридрих. Ты прекрасно знаешь, что, если Ашенбаху понадобится, он нанесет мне удар в спину... Но не сейчас. Сейчас он на моей стороне, на нашей, Софи. Герберт прав, это они подожгли рейхстаг, и Ашенбах, когда ехал сюда, твердо знал, что они это сделают и что их ждет успех. Он говорил о тебе, обо мне, об Иоахиме, о заводах. Мне же он хотел сказать совершенно иное. Он говорил мне: этой ночью тебе представится редкий случай, тебе придется решить, воспользоваться им или нет, быть ли тебе с нами или против нас...

Фридрих подходит к Софи, берет ее руку, сжимает.

Фридрих. Ты понимаешь, Софи? Они не могут внести Иоахима в «черные списки». Он все еще слишком значительная фигура. Герберта, может быть. Вероятно, Герберта. Этой ночью многое произойдет, и потеряет лишь тот, кто останется простым наблюдателем. Мне как будто доверили дело, тайную миссию. И если я возьмусь, если я воспользуюсь случаем, то взамен получу их поддержку. И не будет больше ни Герберта, ни Константина, ни Иоахима. Командовать буду я, я буду принимать решения. Ты и я, Софи. Софи какое-то мгновение молчит; ее рука конвульсивно отвечает на пожатие любовника.

Софи. Ну и что? Что ты решил?

Фридрих опускается перед ней на колени.

Фридрих. Это было бы первое решение, которое я принял бы, не посоветовавшись с тобой.

Софи притягивает Фридриха к себе, обнимает его, нежно лаская, шепчет на ухо.

Софи. Ты имел право сделать это, Фридрих. Даже если когда-нибудь придет время, когда я не сумею помочь тебе...

Фридрих отстраняется, чтобы заглянуть ей в глаза. Затем долгим поцелуем приникает к ее губам. Софи отрывается и страстно ласкает его.

Софи. Иди, иди. Иди до самого конца. Никто из них не имеет и половины твоих достоинств. Ты правильно делал, когда ждал, когда со всем соглашался, когда благодарил их. Но теперь заставь

их заплатить за это: сколько раз Герберт оттеснял тебя от дел, Иоахим унижал тебя... А Константин, который вечно делал вид, будто покровительствует тебе, опекает, ведет за руку. Он хуже их всех... Не бойся, Фридрих.

Фридрих сжимает ее лицо ладонями.

Фридрих. Я не боюсь... Но есть еще одно дело: убедить твоего сына подчиниться...

Улыбка едва мелькает на лице Софи.

Софи. О Мартине я позабочусь...

Затем следует пауза.

Софи. Я хорошо знаю Мартина, ему все безразлично... Сталелитейные заводы и «Роллс»... у него нет вкуса к подобным вещам, с ним не будет неприятностей... Оставь это мне.

Сцена 20

Замок. Гостиная. Интерьер. Ночь. Тильда вбегает в пустую гостиную. Останавливается: ей не удастся никого найти. Вдруг голос.

Мартин. Бум!

Тильда подпрыгивает. Оборачивается: из-за портьера показывается Мартин. Тильда бежит к нему, чтобы поймать. Мартин, сделав вид, будто игра проиграна, позволяет себя схватить.

Тильда. Выиграла, я выиграла! Эрика, входи! Мы выиграли!

Мартин. Эрика... Эрика, где ты?

Тильда. Эрика!

Мартин. Эрика!..

Эрика. Я здесь!

Из-под стола вылезает Эрика, подходит к сестренке и Мартину. Мартин поднимает ее на руки и выносит в смежную гостиную. Тильда идет за ними. Они подходят к столу, и Мартин заставляет Эрику отвернуться.

Мартин. Ну, ты ведь хорошо спряталась? Теперь твоя очередь водить... Поворачивайся, вот так. И теперь быстро считай до ста.

Мартин с Тильдой снова выходят. Он берет девочку за руку и вместе с ней идет прятаться. В нерешительности оглядывается, затем нацеливается на рояль, покрытый гобеленом. Эрика, едва шевеля губами, быстро считает в уме. Вслух она произносит только последние три цифры, словно отчеканивая их.

Эрика. Девяносто восемь, девяносто девять, сто.

Снимает повязку, оглядывается вокруг. Никого.

Мартин. Эрика, пора...

Сцена 21

Замок. Библиотека. Интерьер. Ночь. Напряженное лицо Гюнтера... Громкий развязный смех. Гюнтер стоит перед креслом, повернутым к нему спинкой. Из-за спинки кресла появляется рука, которая ловит стоящую на полу бутылку и, поймав, уносит, прячет от наших глаз.

Голос Константина. На, выпей, и не будем больше говорить об этом.

Гюнтер не реагирует. Отец настаивает (*крича*): «Пей!» Теперь мы видим Константина, развалившегося в кресле, вытянувшего разутые ноги. На полу валяются ботинки. Он смотрит на сына мутными глазами пьяного человека. Затем дрожащей рукой подносит к губам бокал.

Голос Гюнтера. Школу я не брошу.

Константин резко отрывается от бокала, проливая на себя часть его содержимого.

Константин. Ты уберешься из этой грязной норы и пойдешь со мной на завод. Если понадобится, я волоком тебя потащу. Уверю тебя, через десять лет ты будешь здесь хозяином и тогда, если захочешь, вышвырнешь меня за дверь. А сейчас я виолончель расшибу о твою башку.

После вспышки гнева наступает пауза. Константин пытается найти более убедительную и доверительную интонацию. Гюнтер иронически улыбается.

Константин. Ты становишься похож на свою мать. Такой же нежный желудок...

Во взгляде Гюнтера неприязнь.

...она и шагу не хотела ступить на завод... она... жар печей вызывал у нее головокружение...

Гюнтер. Послушай, папа... Я решил...

Константин (*срываясь на крик*). Я за тебя решаю! Да, я знаю, я тебе не нравлюсь... Но любишь ты меня или нет, мне безразлично... как знаешь. Однако я не собираюсь сохранять это тепленькое местечко для изголодавшегося Фридриха и того меньше для Мартина. Я привяжу тебя к стулу. Бога ради, ты даже не заметишь, как придет твой черед... увидишь!

Гюнтер направляется к выходу. Константин, уже совершенно разомлевший от выпитого, откидывает голову назад, на спинку кресла, и продолжает говорить, даже не замечая того, что Гюнтер уходит.

Константин. Эти ублюдки задурили тебе башку. И эта твоя школа, мы позаботимся о том, чтобы уничтожить ее! Со всеми этими вашими проклятыми книжками! Гюнтер! Гюнтер!..

Сцена 22

Замок. Гостиная, смежная с библиотекой. Интерьер. Ночь. [Гюнтер выходит, прикрывая за собой дверь, и улыбается Эрике, которая проходит мимо него, в нерешительности останавливается у рояля, пытаясь получить сориентироваться.

Эрика. Ты не видел Тильду?..

Гюнтер. Нет!

Эрика. А дядю Мартина?

Гюнтер. И его не видел!

Гюнтер направляется к лестнице. Эрика с любопытством смотрит вслед уходящему кузену. Затем продолжает свои поиски.] Лицо маленькой Эрики. Рука Мартина гладит волосы Тильды. Защищенные тяжелым ковром, они притаились под роялем. Девочка пытается заговорить.

Тильда. Эрика...

Мартин. Ш-ш-ш-ш! Если она тебя услышит, то сразу же нас найдет... Ш-ш-ш-ш!

Он прикрывает ей ладонью рот, заставляя замолчать, целует руку, затем легко целует в щеку и начинает ласкать. Тильда поводит плечами и смотрит на кузена глазами, искрящимися лукавством. Мартин продолжает ласкать ее волосы, в его медленных движениях появляется властность.

Сцена 23

Замок. Коридор. Интерьер. Ночь. Гюнтер останавливается перед дверью, робко стучит. Дверь приоткрывается, и на пороге показывается Герберт. Увидев юношу, он с дружеской улыбкой распаивает дверь. По-отечески обняв его за плечи, приглашает войти.

Голос Герберта. Входи, Гюнтер!.. Проходи.

Сцена 24

Замок. Кабинет Софи. Интерьер. Ночь. На небольшом письменном столе стоит телефон. Трубка снята. Кто-то слушает голос, непостижимым образом доносящийся и до нас. Затем рука возвращает

трубку на место. Ашенбах, рука которого все еще лежит на трубке, оборачивается, улыбаясь своей обычной двусмысленной улыбкой.

Ашенбах. Да. Спасибо. Я так и предполагал. Герберт будет арестован еще до наступления утра...

Перед Ашенбахом стоят Фридрих и Софи.

Бедный Герберт... Впрочем, надо сказать, что граница здесь совсем близко!

Софи и Фридрих возбуждены и проявляют необычайную заинтересованность.

Софи. Будет процесс?.. Уже есть обвинение?

Ашенбах. Не думаю, что такого рода формальности необходимы. Мы принимаем во внимание только существо дела... А оно заключается в следующем: прежде чем пожар в рейхстаге будет потушен, люди старой Германии должны стать пеплом.

Ашенбах направляется к выходу. Останавливается и многозначительно смотрит на любовников.

Ашенбах. Впрочем... Видимость законности может быть полезной... иногда. А теперь извините меня. Я устал и хотел бы удалиться...

Он откланивается, сделав два легких кивка головой.

Ашенбах. Софи... Фридрих... (*Фридриху.*) Если я вам понадоблюсь...

Ашенбах не успевает выйти, как Софи, не говоря ни слова, поворачивается к Фридриху. Захваченные сильным чувством, они напряженно смотрят друг на друга.

Сцена 25

Замок. Комната Герберта. Интерьер. Ночь. Герберт стоит перед окном. Рассеянно смотрит в ночь.

Голос Элизабет. Они пробрались сюда, как воры...

Герберт оборачивается к Элизабет. Рядом с ней стоит Гюнтер.

Герберт. Мы не одиноки, Элизабет. Каждый день все больше становится людей, вынужденных скитаться по Европе, кто где.

Герберт подходит к жене.

Герберт. Мы даже можем сказать, что принадлежим к тем, кому повезло больше других... Мы хоть знаем, куда идти, у нас есть друзья.

Молчание. Затем Гюнтер, в большом волнении, спрашивает.

Гюнтер. Но когда?

Герберт. Нужно время, чтобы собраться и сдать дела... на заводе.

При этих словах Гюнтер опускает голову. Герберт кладет руку ему на плечо.

Герберт. Это конец, Гюнтер. И виноваты мы сами, мы все, и я тоже. И не надо кричать, слишком поздно, даже спасению души это не поможет. (*Пауза.*) Мы хотели дать Германии «больную» демократию. Страх перед пролетарской революцией, перед тем, что страна окажется в руках левых, заставил нас потерять голову. А теперь мы уже не можем защитить себя!

Гюнтер очень внимательно слушает дядю. Герберт продолжает свою исповедь.

Герберт. Нацизм, Гюнтер,—это творение наших рук, он зародился на наших заводах, он питался нашими деньгами... Я знаю, ты думаешь о том, что мне не следовало бы бежать, и, может быть, в глубине души ты презираешь меня.

Гюнтер (*порывисто*). Нет, дядя Герберт!.. Я...

Юноша не знает, что еще к этому прибавить.

Герберт (*изменив тон*). Будем поддерживать связь. Хорошо?..

С печальной улыбкой юноша соглашается.

Гюнтер. Да...

Сцена 26

Замок. Гостиная. Интерьер. Ночь. Маленькая Эрика останавливается в центре гостиной. Ей наскучило искать своих партнеров по игре. К девочке подходит гувернантка, берет ее на руки и начинает подниматься по лестнице.

Гувернантка. Эрика! Ты не видела Тильду?

Эрика. Нет!

Гувернантка. Тильда!.. Тильда!.. Тильда!.. Да где же она... Тильда!

Сцена 27

Замок. Комната Иоахима. Интерьер. Ночь. Иоахим уже в постели. Слабый свет падает на его лицо. В его открытых глазах, в его отсутствующем взгляде мы видим усталость человека, который со смирением ждет судьбу. В великом безмолвии, воцарившемся в почти уснувшей замке, раздается слабеющий крик девочки.

Сцена 28

Замок. Натура. Ночь. Парк. Стена замка. Начинает светать. Вдруг издали доносится рокот моторов. Резкий, слепящий свет фар натыкается на стволы деревьев, упирается в стены замка. Скрип тормозов, неясные голоса, хлопанье автомобильных дверей. Под градом страшных ударов, взрывающихся великое безмолвие, сотрясаются двери парадного входа. Эхо шагов по булыжной мостовой. Одна створка двери приоткрывается. Ошеломленное лицо привратника. Кто-то из людей в черной форме, вламывающихся в замок, грубо его отталкивает.

Сцена 29

Замок. Комната Герберга. Интерьер. Ночь. В апартаментах Герберга. Распахивается дверь, вбегает Фридрих.

Фридрих. Герберг!.. Они здесь!

Герберг, потрясенный, смотрит на него. На пороге смежной комнаты появляется Элизабет, она бежит к мужу, который, кажется, еще не осознал смысла сказанных Фридрихом слов.

Фридрих. Они пришли за тобой. Не теряй ни минуты.

Герберт. Элизабет.

Элизабет. О, нет... нет...

Фридрих. Ты должен бежать, не теряй времени, быстро... быстро!..

Элизабет. Любовь моя, беги, прошу тебя, любовь...

Герберт. Не бойся.

Сцена 30

Замок. Вестибюль. Интерьер. Ночь. И снова ошеломленное лицо привратника, который смотрит в направлении главной лестницы. По ней взбегают люди в черной униформе. Пока привратник отпирает двери, в вестибюль врываются группы СС. Одни направляются к гостиной, другие поднимаются по лестнице.

Сцена 31

Замок. Комната Герберга. Интерьер. Ночь. Элизабет помогает Герберту натянуть плащ. Фридрих с нетерпением наблюдает за ними. Герберт открывает шкаф, вынимает пистолет и хочет опустить его в карман.

Фридрих. Брать его с собой — это же безумие. Дай его мне, и я сделаю так, что он исчезнет навсегда.

Герберт неуверенно вынимает из кармана пистолет и отдает его Фридриху.

Фридрих. А теперь уходи! Уходи!

И сам быстро удаляется.

Элизабет (*умоляя*). Прошу тебя, Герберт!.. Иди.. Нет, сюда. Герберта осеняет какая-то мысль, он бежит к письменному столу, выдвигает ящик, вынимает бумаги и укладывает их в сумку. Элизабет подталкивает его в свою комнату.

Герберт. Любовь моя. Девочки!..

Элизабет (*плача*). Иди, иди, Герберт!.. Уходи!..

Герберт бежит в соседнюю комнату, оттуда в ванную и через окно выбирается наружу. Удары в дверь.

Голос. Откройте!

Элизабет медленно идет к двери. Все еще не решается открыть ее, словно хочет, чтобы прошло как можно больше времени. Голос повторяет требование.

Голос. Откройте!

Офицер и трое солдат СС вламываются в комнату.

Сцена 32

Наружная стена замка. Парк. Натура. Ночь. Герберт падает с высокой стены в густую зелень кустарника. Внимательно оглядывается. И бегом исчезает в ночи. Его преследуют четыре эсэсовца с собаками.

Сцена 33

Замок. Комната Софи. Интерьер. Ночь. Софи сидит на своей кровати: в ее глазах тревога. Входит Фридрих, он ужасно взволнован. Делает несколько шагов и, потеряв сознание, падает на пол. Софи подходит к нему, опускается рядом на колени, целует в губы. Слабо слышатся голоса, окрики вооруженных людей, проникших в замок. Хлопают двери, раздаются шаги. Двое любовников, мужчина в объятиях женщины, замирают в безмолвном тревожном ожидании.

Сцена 34

Замок. Комната Иоахима. Интерьер. Ночь. На ладони лежит пистолет.

Мужской голос. Вы тоже узнаете это оружие.

Фридрих не без некоторой тревоги смотрит на... Константина, еще совершенно заспанного и полупьяного. Константин пристально изучает пистолет, затем утвердительно кивает головой.

Константин. Да.

Человек, который показывал оружие,—инспектор полиции, одетый в гражданский костюм. Он передает улику одному из агентов и затем произносит.

Инспектор. Настоящее оружие признано собственностью Герберга Тальмана.

Второй агент делает какие-то пометки в блокноте. Ашенбах вместе с офицером СС отходит в сторону.

Офицер СС (*вполголоса*). Продолжать расследование должны тоже мы?

Ашенбах (*улыбаясь*). Об этом позаботятся судебные власти...

Офицер СС. Господин Тальман взял с собой компрометирующие бумаги... Свежую документацию о деятельности сталелитейных заводов. Он сможет использовать ее за пределами рейха.

Ашенбах (*улыбаясь*). Едва ли он найдет ей конкретное применение.

Офицер СС застывает в нацистском приветствии и уходит. Ашенбах с любопытством наблюдает за Фридрихом, которому не удается скрыть свою возбуденность; и за Константином, которого, кажется, раздирают противоречивые мысли. Фотограф, забравшись на стул, нацеливает объектив своей камеры... на тело, распластанное на кровати. Это Иоахим фон Эссенбек. Во лбу у него зияет маленькое отверстие, струйка крови пересекает щеку, глаза широко раскрыты.

Голос инспектора (*диктует*). Генеральному прокурору. 11 февраля 1933 года. Дело по обвинению господина Герберга Тальмана, скрывшегося от правосудия, в преднамеренном убийстве барона Иоахима фон Эссенбека.

Сцена 35

Замок. Библиотека. Интерьер. Ночь. В дверях библиотеки появляются Мартин и Софи. Мартин в нерешительности останавливается.

вается. Затем выходит в центр комнаты, где уже находятся Фридрих и Константин. Они первыми подходят к Маргину, пожимают руку.

Константин. Могу себе представить, что ты испытываешь, дорогой Маргин. Невозможно столь внезапно взвалить на себя такую огромную ношу без чувства... как бы это сказать, страха?

Маргин садится. Константин продолжает говорить.

Константин. Но ни я, ни Фридрих — мы не оставим тебя... Мы бы даже сказали (*Маргину*)... что у тебя будет время продолжать твои занятия и разобраться в тонкостях нашего дела.

Взяв со стола бутылку, наливает себе и Маргину. Потом снова говорит.

Константин. Поверь мне, это не пустяки.

Маргину явно не по себе. Константин продолжает свою речь.

Константин. А тем временем Фридрих и я будем продолжать вести дела, как это было и прежде.

Гюнтер сидит в стороне с книгой. Смотрит на присутствующих.

Константин снова начинает говорить.

Константин. Не думал я, что мне придется вступать в президентство при таких трагических обстоятельствах... Но, к сожалению, я вынужден сделать это...

Молчание. Маргин озирается кругом, и совершенно очевидно, что он хочет сказать что-то важное. Он ищет глазами... поддержку матери.

Маргин. Я...

Все взоры устремляются на него.

...Дедушка был прав... сегодня все изменилось, заводы... да... После всего, что случилось... или заключать соглашения с правительством, или наши дела...

Константин внимательно следит за вымученной речью юноши. Маргин смелеет.

...наши прибыли... (*Ему не удается закончить фразу, он пытается начать сначала, подбирает другие слова.*) Я ничего не смыслю в делах и в политике. Но как бы там ни было... это даже мне известно... здесь речь идет об особой продукции... В общем, это технические проблемы...

Константин, видя, что юноша увяз, пытается все обратить в шутку.

Константин. Хорошо!.. Очень хорошо. Ты даже тронную речь произнес... Сейчас, однако, не время для преувеличений, да-

вайте попытаемся придать нашему собранию более семейный характер. Намерения Иоахима...

Софи изящно, но решительно прерывает его.

Софи. Прощу тебя, Константин... Мартин еще не закончил. Ему есть что сказать.

Константин. Раз так, послушаем...

Мартин с силой впивается в подлокотники кресла и договаривает то, что осталось сказать.

Мартин. Дядя Константин, я во всем буду следовать воле души... Он назвал тебя вице-президентом, и это правильное решение... Но... но... но я думаю, что в такой момент, как сейчас, да, именно, в такой момент, как сейчас, президент должен быть прежде всего инженером...

Константин взрывается.

Константин. И это та самая шутка, которую ты собрался сказать?

Даже Гюнтер удивлен, он с тревогой наблюдает за наступающей развязкой. Софи все с тем же изяществом и той же решимостью прерывает Константина.

Софи. Речь идет не о шутке. В игру вступили разные заинтересованные силы, и Мартин думает...

Константин. Насколько мне известно, это первый случай, когда Мартин думает что-то своей головой.

Неожиданно Мартин начинает оказывать сопротивление, на свой манер — истерично и безрассудно.

Мартин (*крича*). Теперь я владею большим пакетом акций!.. Право решать мне принадлежит, мне принадлежит право решать... Мартин делает паузу, затем пересиливает себя и произносит твердо, отчеканивая каждое слово, будто освобождаясь от груза.

Мартин. Я назначаю Фридриха Брукмана президентом Административного совета и генеральным директором сталелитейных заводов Эссенбеков и всех прочих компаний, которые входят в состав концерна.

Фридриху, который все это время стоял в стороне, теперь предстоит выдержать тяжелый взгляд Константина.

Константин (*обрушивая весь свой гнев на Фридриха*). Фридрих Брукман. Да это я тебя сделал... вот так! Из такого ничтожества, каким был ты...

Тишина. Константин наступает на Фридриха. Понижает голос, отчего тот начинает звучать таинственно и иронично.

Константин. Пистолет Герберга, свидетельство Ашенбаха, приезд эсэсовцев...

Фридрих сохраняет невозмутимость.

Софи (*Константину*). Богатая фантазия, Константин.

Константин смотрит сначала на Фридриха, затем на Софи, наконец на Мартина. Его взгляд сулит расправу. Потом направляется к выходу и только теперь замечает Гюнтера. Зовет его.

Константин. Ты пойдешь со мной.

Мальчик подходит к нему. Константин кладет руку ему на плечо. ...Сегодня ты тоже кое-чему научился.

Уходят вместе.

...Этому не учат в школах. Идем.

На пороге Константин останавливается. Поворачивается к остальным.

...Но не стройте себе иллюзий. Война только началась. Гюнтер! Пошевеливайся!

Выходит. Но Гюнтер, высвободившись из-под руки отца, дает ему уйти одному. Софи падает в кресло. Мартин бросает на нее мимолетный взгляд. Потом резко поднимается, подходит к столику, почти бросается на бокал, который наполнил для него Константин, хватая его обеими руками и выпивает залпом.

Сцена 36

Дорога в окрестностях сталелитейных заводов Эссенбеков. Натура. День. Оркестр, играющий траурный марш, открывает похоронный кортеж. Траурный марш Шопена. На черной ткани три золотые буквы: И Ф Э. Дорогой катафалк, внушительных размеров, но без мишуры и цветов, медленно проплывает между двумя флангами толпы, состоящей в основном из рабочих сталелитейных заводов Эссенбеков. Впереди кортежа несут герб завода. За катафалком идет Мартин, один. Необычная молодость наследника, его отсутствующий взгляд замечены всеми. Держится он прямо, но шагает как-то нетвердо. Поглощенный своей ролью наследника фон Эссенбеков, он глядит перед собой. Позади него, в нескольких шагах, следует немногочисленная группа родственников покойного. Впереди под густой вдовьей вуалью Софи, за ней Элизабет и девочки, потом Константин и Гюнтер, замыкают Фридрих и Ашенбах. За ними еще одна, столь же немногочисленная группа известных людей: это политики и предприниматели, все одеты строго, в черное (несколько цилиндров, котелок, черные перчатки). Холодный зим-

ний день. Моросит дождь. Сдержанно и мрачно звучит траурный марш, сопровождающий неторопливый ход процессии.

Сцена 37

Сталелитейный завод Эссенбеков. Плавильный цех. Интерьер. День. Плавка стали. Плотная дымовая завеса, высокие языки пламени, ручей раскаленной магмы. Среди ярких всполохов огня рабочие в защитных касках. Один из рабочих разгибает обнаженную спину, поднимает защитную каску, утирает пот и смотрит на небольшую группу людей, наблюдающих за ходом работы. Мы различаем в группе Фридриха в окружении трех мужчин, одетых в военную форму (грудь колесом, коротко постриженные волосы, кое-кто с моноклем, как подобает высшим офицерам рейхсвера). Рядом с ними Ашенбах в форме офицера СС и скучающий Мартин, который закрывает уши, чтобы не слышать грохота доменных печей. Все вокруг громыкает, будто в аду. Константин в форме СА направляется к этой группе, стараясь догнать ее.

[Сцена 38

Сталелитейный завод Эссенбеков. Сборочный цех. Интерьер. День. Две руки быстро обрабатывают какой-то металлический предмет, который затем через доли минуты отправляется по конвейеру к другой паре рук. Некоторое время мы следим за его маршрутом. Теперь нам открывается сборочный конвейер во всю его длину. Разнообразные предметы, подобные тому, что мы уже видели, проходят через множество рук. Общий вид конвейера. Понурился головы, трудятся рабочие на своих участках. Через равные промежутки времени начальники участков, вооруженные хлыстами и всем своим видом напоминающие надзирателей, проверяют, как движется работа. По мере того как мы переходим от одной группы рабочих к другой, начальники соответствующих участков застывают в стойке «смирно», изображая некое подобие полувоенного-полугражданского приветствия, обращенного к Фридриху и его посетителям.

Первый и второй офицеры подходят к Фридриху.

Первый офицер. Примите мои поздравления, господин Брукман. По сравнению с... предыдущим руководством завод, несомненно, делает заметные успехи.

Второй офицер. Старый барон не понимал в полной мере смысла новых перемен... Или же у него были плохие советчики.

Первый офицер. Может быть, здесь вопрос поколений... Не правда ли, господин Брукман?

Второй офицер. Но все же я полагаю, что темпы производства могут быть еще увеличены... Естественно, я рассуждаю как дилетант.

Только теперь, когда вся компания приближается к железной лестнице, ведущей вверх, на смотровую площадку, Фридрих, не без смущения, решается ответить.

Фридрих. Нынешние мощности завода не вынесли бы большой производственной нагрузки. Я пытаюсь по своему разумению кое-что улучшить... Я разрабатываю также новые планы... Но вопрос упирается в капиталовложения... и в более твердые обязательства с вашей стороны.

На смотровой площадке. Шестеро мужчин держатся за поручни. У них под ногами раскинулся бескрайний сборочный цех. Многочисленные рабочие трудятся под бдительным оком своих начальников. Третий офицер, слышавший слова Фридриха, подходит к нему.

Третий офицер. Вы рассуждаете так, будто вашему товару предстоит завоевывать рынки... Немецкая экономика будет военной экономикой, во всех сферах... А в такой индустрии, как эта, спрос всегда будет превышать предложение.

Ашенбах (*в своем обычном ироническом тоне*). Во всяком случае, до тех пор, пока будет стоять третий рейх, а ты знаешь, что он будет стоять тысячелетия... Тебе мало?

Фридрих сносит удар. Затем приглашает гостей проследовать за ним.

Фридрих. Сюда... Я покажу дорогу.]

Сцена 39

Сталелитейный завод Эссенбеков. Лаборатория. Интерьер. День. Станковый пулемет на столе Административного совета производит благоприятное впечатление, напоминая собой какой-то бытовой электроприбор. Служащие наполняют бокалы шампанским для присутствующих. Фридрих и его друзья пьют. Все, кроме Константина, выглядят очень довольными.

Первый офицер. За первый образец!..

Второй офицер. С пожеланием как можно скорее услышать его музыку.

Шутка идиотская, однако Фридриху приходится дать ей высокую оценку. Ашенбах со зловещим видом наблюдает за ним. Мартин подходит к Фридриху и шепчет ему на ухо.

Мартин. Долго еще протянется это увеселение?

Фридрих (*сухо*). Твое место здесь, Мартин. Ты не можешь уйти.

Мартин. Как прикажете.

Голос второго офицера (*зромко*). Господин Брукман! Я бы хотел попросить вас объяснить мне...

Фридрих оставляет Мартина и направляется ко второму офицеру, который вместе с первым ожидает его у пулемета. К Мартину подходит третий офицер.

Третий офицер (*напыщенно*). Я знал вашего отца, на французском фронте, в 1916 году. Настоящий Эссенбек, офицер, герой.

Мартин. Благодарю вас.

Мартин крайне раздражен словами третьего офицера. Он натянуто улыбается. (Третий офицер. Самый знаменитый боевой летчик эскадрильи Манфреда фон Рихтхофена.) Ашенбах держится в стороне, но не спускает глаз с Фридриха, беседующего с первым и вторым офицерами. Мы подключаемся к их беседе.

Второй офицер. Верховная власть не пойдет на уступки в этом вопросе: или Рэм, или мы!

Первый офицер. Это чистое вымогательство! Для рейхсвера СА такой же нож в горле, как и для крупных финансистов. Следовательно, необходимо воспрепятствовать...

Лицо Ашенбаха едва заметно передергивается. Однако тотчас озаряется улыбкой, адресованной Константину, который в форме офицера СА входит в тот самый момент, когда первый офицер заканчивает свою мысль.

...притоку станкового оружия в казармы штурмовиков.

Вид у Константина угрюмый, он готов сорваться. Но, сдержавшись, подходит к Фридриху и его гостям, которые в смущении сухо щелкают каблуками, подчеркивая свою военную выправку.

Константин (*первому офицеру*). Это ваша личная точка зрения?

Первый офицер. Это мнение верховного командования... да и канцлера тоже, если это вам не слишком неприятно.

Второй офицер (*вмешиваясь*). Армия — это армия, СА — это СА. Мы не занимаемся внутренним порядком, но мы и не собираемся делить с другими наши законные обязанности.

Константин. Законные обязанности?.. Хотел бы я знать, где отсиживались прусские генералы, когда мы очищали Германию, сверху донизу.

Первый офицер. Эта страна никогда не будет очищена в надлежащей степени, до тех пор...

Голос Ашенбаха (*решительно*). Спокойствие, господа, прошу вас!..

Ашенбах подходит к спорящим, третий офицер, который наконец оставляет Маргина в покое, следует его примеру.

Ашенбах (*Константину*). Заслуги штурмовиков вне всяких сомнений, дорогой кузен. Если бы не СА, нас самих бы здесь не было. Но тяжелое оружие не для поддержания общественного порядка. Достаточно посмотреть вокруг. Германия — самая образцовая страна в мире. Рай для английских и американских туристов... Чего же больше желать?

Константин взбешен, он с трудом сдерживается. Он с вызовом смотрит на Фридриха. И Фридрих принимает его вызов.

Фридрих (*обращаясь к офицерам, голос звучит твердо*). Итак, господа, мы обо всем договорились. Ни один пулемет не выйдет отсюда без приказа верховного командования.

Константин делает легкий кивок головой и, повернувшись на каблуках, выходит. Маргин следит за тем, как он уходит, видимо раздумывая, не настал ли момент и ему покинуть это общество. Он и в самом деле направляется к офицерам, чтобы проститься с ними. Ашенбах, воспользовавшись этим, отводит Фридриха в сторону.

Ашенбах. Приближаются выборы, Фридрих, и мы должны выиграть их, выиграть любой ценой, если мы хотим, чтобы они были последними. Но, как ты знаешь, это требует денег... Вы опоздали. Упрямство и неприязнь Иоахима привели к такому положению вещей. Все остальные промышленники уже внесли свою долю, в то время...

Фридрих. Это трудно... трудно... ассигновать такую крупную сумму безболезненно для бюджета в целом. Это завод. И ты знаешь, что с Константином могут возникнуть большие проблемы.

Ашенбах. Если Константин вздумает стать для нас проблемой, то, скажу тебе, всякую проблему надо решать. Не веришь? (*Тоном, пронизанным иронией*). «Государство не может не растоптать невинный цветок, если он на его пути».

Фридрих (*выпрямившись*). Я не государство!.. Я уже сделал то, о чем меня просили... И я больше не желаю быть втянутым...

Ашенбах (*оборвав*). Вперед, вверх, сейчас!.. Не принимай ты все так буквально!.. Это слова Гегеля, знай! Он, гений, перевернется в гробу при мысли о том, что Константин мог быть уподоблен его маленькому невинному цветку.

Ашенбаха прерывает Маргин, который уже попрощался с офицерами.

Маргин. Не кажется ли вам, что я мог бы...

Фридрих. Да, иди, Мартин.

Мартин. Спасибо, до свидания.

Мартин удаляется. Направляясь вместе с Фридрихом к офицерам, Ашенбах говорит ему.

Ашенбах (*жестко*). За все, что здесь произойдет, отвечать будешь ты. Не забывай!

Сцена 40

Сталелитейный завод Эссенбеков. Натура. День. Тяжелые железные ворота распахиваются. По обе их стороны стоят стражи. Из ворот выезжает блестящий «мерседес». За рулем Мартин. «Мерседес» медленно скользит по мокрой дороге.

Сцена 41

Народный квартал в Мюнхене. Натура. День. «Мерседес» останавливается в народном квартале. Мартин выходит из него с большим пакетом в руках. Делает знак рукой. К нему подъезжает такси. Мартин быстро усаживается и называет шоферу адрес.

Мартин. Пожалуйста, в Брайтенвес, побыстрее!

Таксист. Да.

Мы видим, как из глубины улицы такси подъезжает к дому Ольги.

Мартин вылезает, расплачивается и заходит в парадное.

Сцена 42

Лестница большого многоквартирного дома. Интерьер. День. Мартин взбегает по лестнице убогого дома. Он весел, напевает что-то. Достигнув площадки последнего этажа, он подходит к двери и осторожно вставляет ключ в замочную скважину. Он так погружен в это занятие, что слабый голос, раздавшийся за спиной, заставляет его вздрогнуть.

Голос девочки. Ее нет. Она ушла.

Мартин. Большое спасибо.

Мартин замолкает. Малышка, помявшись, начинает спускаться по лестнице, в руках у нее пустая бугуль. Мартин смотрит ей вслед, затем быстро открывает квартиру и запирает за собой дверь.

Сцена 43

Квартира Ольги. Интерьер. День. Мартин освобождается от плаща и пакета, бросив их на постель, покрытую распоровшимся покрывалом. Квартирка небольшая, довольно скромная, но не бедная. Большая кровать, на стенах бумажные обои. Дверь в ванную. Отсутствие Ольги огорчает Мартина. Он крутит ручку старенького приемника: малоприятный голос зачитывает отрывок из речи какого-то нацистского главаря, сопровождающейся диким ревом толпы. Нацистский гимн. Песня Колло «Urs'a Daisy». Мартин раздражается и ищет другую волну, с легкой музыкой. Подходит к окну, смотрит на улицу.

Сцена 44

Улица под окнами Ольги. Натура. День. Под окном, на противоположной стороне улицы, на тротуаре стоит девочка, которую встретил Мартин. Теперь у нее в руках бутылка с молоком: она пропускает идущие машины, переходит улицу и входит в подъезд дома. Мартин наблюдает за ней из окна квартиры Ольги.

[Сцена 45

Квартира Ольги. Интерьер. День. В это время за спиной Мартина появляется Ольга. Красивая высокая девушка, брюнетка, явно не немка. Ольга оставляет перчатки и сумочку на комод и перед зеркалом снимает шляпу. Подходит к Мартину. Обнимает его за плечи. Целует в шею.

Ольга. Извини меня... я опоздала. (*Ольга торопливо снимает пальто.*) Ну, как прошло?

Мартин пожимает плечами, словно давая понять, какая тоска разлита во всем теле.

...Ты и в самом деле никогда там не бывал?

Мартин отрицательно качает головой.

Мартин (*обиженно, как ребенок*). Знаешь, не такое уж это веселое дело... Этот завод.

Ольга (*поддразнивая его*). Какой тяжелый труд! Какая серьезная ответственность, эдакий заводиче, гигант, и весь на твоих плечах!

Оба смеются. Затем Мартин снова становится серьезным.

Ольга. Я тебя не понимаю... Мне бы одной твоей дымовой трубы хватило, чтобы стать счастливой на всю жизнь.

Мартин. Что за охота быть счастливой в такой семье, как моя...

Вдруг Мартина передергивает от нервной судороги, которая, как обычно, возникает неожиданно и не поддается контролю.

Мартин. Не желаю ничего о них знать... Я хозяин, понимаешь?.. Я бы мог их всех похоронить под горой моих марок, или...

Ольга безуспешно пытается его успокоить.

Этот ублюдок, он занял мое место!.. И все из-за нее, из-за моей матери! Это все ее махинации.

Содрогаясь от конвульсивных рыданий, Мартин падает в кресло.

Ольга (*встряхивая его*). Прошу тебя, Мартин, прошу тебя... Успокойся!

Голос девочки (*за кадром*). Ольга.

Ольга оборачивается к девочке (*Мартин уже встречал ее*), стоящей на пороге.

Ольга (*улыбаясь*). Заходи, заходи, Лиза!..

Ольга стоит между Мартином и Лизой, почти закрывая Мартина от девочки. Мартин пытается взять себя в руки. Лиза же, сгорая от любопытства, тянет шею, пытаясь увидеть Мартина. И ей это удается. Мартин улыбается. Ольга объясняет ему.

Ольга (*Мартину*). Это дочка соседки. Она иногда приходит прибраться у меня...

Через открытую дверь доносится строгий голос матери Лизы.

Голос женщины. Лиза... поторапливайся, мне надо уходить...

Лиза, испугавшись, хочет бежать. Ольга останавливает ее, подходит к двери и громко кричит.

Ольга. Она здесь, со мной... можно ей побыть?.. Мне нужна небольшая помощь.

Голос женщины. Хорошо... хорошо...

Ольга закрывает дверь и, вернувшись в комнату, видит... Лиза стоит перед Мартином, она растрогана; Мартин напряженно вглядывается в лицо девочки, он тоже растроган. Они напоминают сверстников, двух детей, которые пытаются выказать друг другу свои симпатии.]

Сцена 46

Колледж Гюнтера. Актовый зал. Интерьер. День. Мужчина преклонных лет с невыразительным, засушенным и бесстрастным лицом монотонным, отсутствующим голосом перечисляет имена.

Ректор. Томас и Генрих Манны.

Некоторые записывают.

Голос ректора. Эрих Мария Ремарк, Арнольд и Стефан Цвейги, Андре Жид, Джек Лондон, Хелен Келлер, Джордж Бернард Шоу, Эмиль Золя, Марсель Пруст...

Сцена 47

Двор колледжа Гюнтера. Натура. Ночь. Книжный дождь падает в костер, из которого вырываются высокие языки пламени. Голос ректора заглушают другие крики. Вокруг костра толпятся профессора и студенты. Некоторые поднимают зажженные факелы. Царит атмосфера всеобщей испуганности и экзальтации. Размахивая флагами и свастиками, все бросают книги в костер. «Песня Хорста Весселя». Гюнтер вместе со своими друзьями стоит на лестнице, ведущей во двор, и наблюдает за этой сценой. К нему подходит служитель, что-то шепчет на ухо. Гюнтер следует за ним.

[Сцена 48

Внутренний двор колледжа Гюнтера, который мы видим из окна его комнаты с высокой точки, как бы его глазами. День. «Песня Хорста Весселя». У студентов военная подготовка под командованием инструктора в нацистской форме. В центре внутреннего двора остатки книжного пепелища. Гюнтер в окне. За кадром стук в дверь. Гюнтер поворачивается и смотрит в направлении... двери, из-за которой появляется служитель.

Служитель. Господин фон Эссенбек, к ректору, пожалуйста.]

Сцена 49

Кабинет ректора. Интерьер. День. Гюнтер стучит в дверь. Входит, снимает берет, здоровается и подходит к столу. За столом сидит ректор, он поднимает глаза и протягивает Гюнтеру конверт.

Ректор. Сожалею, но я обязан был это прочитать.

Гюнтер берет конверт, рассматривает его, изучает почтовый штем-

пель и только тут замечает, что конверт вскрыт. Гюнтер распрямляется. Ректор смущен.

Ректор. Я обязан это делать, особенно в тех случаях, когда корреспонденция поступает из-за границы.

Гюнтер вынимает листок, пробегает несколько строк глазами. Потом говорит.

Гюнтер. Герберт Тальман, мой дядя. Мне кажется абсурдным, что его письмо должно подвергаться...

Ректор (*обрывая его*). Послушайте меня, фон Эссенбек. Если бы у вашего дяди было чувство здравого смысла, он бы не писал вам сюда...

Гюнтер (*волнуясь*). Но в таком случае куда он должен был бы мне писать? (*Переходя на более спокойный и уважительный тон.*) Ему нужна помощь, вы ведь прочитали об этом, не так ли?

Ректор затылком ощущает странный страх.

Ректор. Я не желаю ничего знать и отказываюсь вникать в ваши дела. Я хотел бы только одного, чтобы вы не втянули наш колледж в какую-нибудь неприятность... И потом, не верю я в то, о чем пишет ваш дядя!

Гюнтер пристально смотрит в глаза ректора, который испытывает большое волнение. После паузы он говорит.

Гюнтер. Я могу идти?

Ректор. Идите. И подстригите волосы, фон Эссенбек.

Гюнтер. Слушаюсь, господин ректор.

Гюнтер, слегка наклонив голову, выходит. Ректор снимает очки и, вынув из кармана платок, начинает нервно их протирать. Его лихорадит. Затем он подходит к окну, останавливается, смотрит во двор на книжное пепелище.

Сцена 50

Здание гестапо. Первый кабинет. Интерьер. День. Сотрудник гестапо перебирает бланки, сложенные в папку.

Первый сотрудник. Да, мне кажется, что здесь все... Посмотрим... запрос о возобновлении, взнос, печать...

Поднимает глаза на просителя, которого мы пока не видим.
...Мотивы поездки?

Ему отвечает Элизабет.

Элизабет. Каникулы.

Сотрудник делает какую-то пометку.

Первый сотрудник. Каникулы... Вы едете одна, госпожа Тальман?

Элизабет. С моими дочерьми.

Первый сотрудник (*читает*). Тильда, 11 лет, и Эрика, 8 лет. Правильно?..

Элизабет. Да.

Первый сотрудник. Вы хотите ехать к мужу?

Элизабет. Нет.

Первый сотрудник. Нет?.. Может быть, вам просто неизвестно, где он? Хотите узнать это у нас?

Элизабет (*взволнованно*). Я не понимаю, в чем затруднения. Я хочу только уехать.

Сцена 51

Здание гестапо. Второй кабинет. Ингерьер. День. Снова лицо Элизабет. Еще более усталое, более подавленное. Слышится...

Голос второго сотрудника. Вам чинят препятствия?

Элизабет. Нет, не совсем...

Второй сотрудник стоит перед Элизабет.

Второй сотрудник. Вы знаете, что ваш муж обвиняется в убийстве?

Элизабет. Но это абсурдно... это подлость.

Второй сотрудник. Вы уверены в этом?.. Тогда почему вы не убедите его вернуться?.. Только так он сможет доказать свою невиновность.

Элизабет (*дрожая всем телом*). Но я не знаю, где он!.. Какое отношение все это имеет ко мне и к детям?.. Может быть, существует обвинение против нас? Мы хотим только уехать, обратиться отсюда...

Сцена 52

Здание гестапо. Третий кабинет. Ингерьер. Вечер. В полутьме кабинета мы видим грубое и уродливое лицо третьего сотрудника.

Третий сотрудник. Кто-то вынуждает вас уехать?

Элизабет (*совершенно уничтожена*). Нет, напротив... мне мешают...

Третий сотрудник. Кто вам мешает, госпожа?

Элизабет. Тальман, Элизабет Тальман.

Третий офицер. Может быть, вы хотите сделать заявление? Отвечайте... Не бойтесь, говорите...

Сцена 53

Лестница в доме Ольги. Ингерьер. День. Мартин поднимается по лестнице в доме Ольги. Он одет по-весеннему. В руках у него большой сверток. До него доносится пронзительный голос консержки.

Мартин. Добрый день.

Консержка. Вашей подруги нет дома.

Мартин. Хорошо, я понял, спасибо...

Консержка. Ей пришлось уйти, и она сказала, что вернется очень поздно.

Мартин. Я понял, хорошо, я понял.

Мартин продолжает подниматься. Открывает дверь и входит в квартиру Ольги. Освобождается от перчаток и шляпы, кидает их на кровать, разворачивает сверток, беспорядочно разбрасывая по кровати бумагу, и берет в руки лошадку. Выходит из квартиры Ольги. Пересекает площадку этажа и подходит к соседней квартире.

Мартин входит.

Сцена 54

Квартира матери Лизы. Ингерьер. В комнате, которая одновременно служит и кухней и спальней, Лиза, сидя на табуретке, собирается готовить еду; в кроватке маленький мальчик, наблюдающий за ней. Мартин не видит Лизу. Молча, он остается стоять на пороге. Слушает девочку, которая напевает вполголоса. Песня, неумело исполняемая Лизой. Неслышно ступая, Мартин пересекает комнату и опускается на пол около Лизы.

Мартин. Лиза... Посмотри, что я тебе принес... Красивая лошадка...

Мартин, оставаясь сидеть на полу, берет ее руку, целует.

Мартин. Ты можешь сесть на нее верхом. Она тебе нравится? Погладь ее. Почему бы тебе не попробовать? Видишь, это седло. Тебе нравится? Разве не красивая лошадка?

Лиза улыбается ему, но не делает никаких движений. Смотрит на руку, которую поцеловал Мартин, затем неожиданно резко встает. В смутном испуге отходит от юноши, который все еще сидит на полу. Доходит до стены. Снова оборачивается и смотрит на Мартина, потом, закрыв лицо руками, отворачивается к стене. Мартин поднимается и идет к двери. Останавливается, поворачивается, чтобы посмотреть на Лизу и ее брата, затем стремительно выходит, хлопнув дверью.

Сцена 55

Квартира Ольги. Интерьер. Вечер.

Голос матери (*за кадром*). Лиза... Лиза...

Мартин как безумный вбегает в комнату Ольги и запирается изнутри. Он нервничает, не знает, чем занять себя; закуривает сигарету, положив портсигар на комод. Затем начинает слегка прибираться, сбрасывает с кровати бумагу.

Голос матери (*за кадром*). Лиза, можно узнать, почему ты не отвечаешь? Сейчас я накажу тебя за твоё безделье. О чем ты думаешь? Ты ни к чему не пригодна, только время тратить попусту умеешь. Хороша, нечего сказать. Целый день одни игры. Смогу ли я хоть раз как следует проучить тебя, хотелось бы знать! Я тебе говорила, пока не приведешь все в порядок, не смей никуда уходить! Как тебе вбить это в голову? Иди.

Неожиданно до него доносится крик матери Лизы. Он с испугом и любопытством приникает к стене, чтобы лучше расслышать; затем идет к двери. Мартину жарко, он весь покрывается потом, он сбрасывает с себя одежду; включает радио и вытягивается на кровати, в паузах напрягая слух, чтобы услышать, что происходит в соседней квартире. Наконец засыпает. Симфония № 8 до минор Брукнера. Из наплыва. Та же сцена. Интерьер. Ночь. В комнате темно. Открывается дверь, зажигается свет. В дверях стоит Ольга и с удивлением смотрит на спящего Мартина. Ольга подходит, Мартин резко просыпается. Он растерян. Осматривается вокруг. Радио включено, только теперь звучит песня...

Песня «UPS'A DAISY» Колло.

Ольга. Мартин, Мартин...

Мартин. О, это ты.

Ольга. Я не ожидала застать тебя здесь.

Раздеваясь, девушка не спускает с Мартина пристального взгляда.

Мартин. Который час?

Ольга. Поздно, два...

Мартин. Два?

Ольга. Умираю хочу спать.

Сцена 56

Замок. Кабинет Софи. Интерьер. День. Взмолвленное лицо Элизабет.

Голос Элизабет (*в нем отчаяние*). Помоги мне, умоляю тебя, помоги...

Молчание длится долго. Элизабет безвольно сидит в кресле, перед ней, опершись на маленький письменный стол, стоит Софи. После долгой паузы Элизабет, собрав последние силы, всю оставшуюся у нее энергию, поднимается. Она держится спокойно, решительно, достойно.

Элизабет. Я знаю. Я знаю, что вы самые сильные и что вы можете помешать мне уехать. Но какая у вас нужда во мне? Вы, очевидно, боитесь Герберта? Да... прежде... прежде возможно, но сейчас? Сейчас его бумаги не имеют никакой цены... его никто не станет слушать... Германия может поступать как хочет. И сами вы можете делать, что хотите, и нет никого в Европе, кто захотел бы хоть пальцем шевельнуть. Но раз так, зачем вы держите нас здесь? О да... Не потому ли, что придет день и мы, может быть, вспомним и, может быть, расскажем то, что знаем о вас и обо всех остальных?.. Ты в самом деле веришь, что такой день придет? Софи?.. Нет, нет, он не придет... У Герберта еще есть иллюзии, у меня их нет. И ты никогда в это не верила... Тогда почему, почему ты держишь меня здесь? Одно лишь мое присутствие должно быть переносимо для тебя, потому что оно напоминает тебе о том, о чем ты не хотела бы помнить... И я, я тоже хочу только забыть... Дай нам уехать, Софи. Дай нам уехать... Достаточно одного слова... твоего слова... достаточно того...

Пауза. Элизабет и Софи долго смотрят друг на друга. Затем Софи поворачивается и идет к телефону.

Софи (*жестко*). Уезжай... Если ты этого хочешь.

Поднимает трубку; глаза Элизабет засветились надеждой.

Софи (*с нарастающей экзальтацией*). Но не обольщайся, Элизабет. Не надейся, что ты сможешь вернуться и найти прежнюю Германию, которая так дорога твоему сердцу... С той Германией покончено, навсегда!.. Другой Германии не будет, только эта, и тебе не удастся ни убежать от нее, ни прожить без нее... Потому что скоро она начнет распространяться по всей Европе и дальше!..

Теперь Софи молчит. Она смотрит в глаза Элизабет, будто надеясь, что та передумает. Софи набирает номер.

Софи. Гауптштурмфюрер Ашенбах. Баронесса фон Эссенбек. На лице Элизабет появляется выражение радости и признательности.

Сцена 57

Дом Ольги. Интерьер. День. Лиза подметает пол. Мартин окликает девочку, и она неохотно идет к нему. Мартин примеряет ей на шею двойную нитку жемчуга. Мартин, словно пленницу, сжимает коленями маленькую Лизу. Девочка улыбается, но вымученной улыбкой, а Мартин тем временем нежно гладит ее.

Мартин. Лиза, иди сюда, иди... посмотри, тебе нравится? Почему ты плакала вчера вечером?.. Знаешь, я ведь все слышал... Мартин смеется и распускает девочке волосы. Девочка молчит, продолжает улыбаться, зачарованно глядя на него.

Мартин. Тебя били? *(Девочка утвердительно кивает головой.)* Мама?.. Она часто это делает?.. Она била тебя по попе?.. *(На все вопросы девочка утвердительно кивает головой.)* Почему?

Мартин целует ее в щеку, в уголок рта. Лиза поднимает плечи, не говоря ни слова. Мартин что-то шепчет ей на ухо. Лиза улыбается, потом неожиданно обнимает Мартина за шею своими худенькими ручками и сама целует его. На лице Мартина экстаз. Из наплыва. Та же сцена. Вечер. На краю кровати сидит Ольга, натягивает чулки. Рука ласково скользит по ее спине; она сердится.

Ольга. Ну хватит уже, Мартин...

Мартин, растянувшийся на кровати, делает прыжок и опрокидывает Ольгу на спину. Ольга вырывается.

Ну хватит, дорогой, я должна идти!

Мартин. Куда ты идешь?

Ольга *(не может отдышаться)*. Я позвирую у фотографа.

Мартин *(изображая страшное удивление)*. Одета? Останься еще ненадолго.

Ольга встает с кровати и начинает одеваться. Мартин, совершенно голый, вылезает из постели и идет за ней, пытаясь уговорить ласками.

Ольга. Я уже опаздываю. Мне надо идти, дорогой. Неужели тебе меня недостаточно? А? Говорю же тебе, я опаздываю... Должна убегать... Перестань! Хватит... Да где же это платье... Ой, ну отдай...

Мартин пользуется этим, пытается снова возбудить в ней желание. Затем медленно опускается перед Ольгой на одно колено.

Мартин. Прошу тебя, прошу тебя...

Ольга. Отстань, отпусти меня, Мартин... Если хочешь сде-

...И мартышка эта заболела.

М а р т и н. Кто?

О л ь г а. Лиза.

Кладет гребень, снова подкрашивает губы, бросает мимолетный взгляд в зеркало, проверяя, все ли в порядке с лицом.

...И еще... мне нужно расплатиться с врачом.

М а р т и н (*скрывая беспокойство*). Что с ней случилось? Что она сделала?

Ольга уже собралась. Идет за перчатками и сумочкой.

О л ь г а. Откуда я знаю!.. Непонятно!.. У нее высокая температура... Сегодня ночью она бредила... Нет, никогда я не прихожу вовремя... Мартин, ну а теперь, что с тобой? Почему ты не делаешь того, о чем я просила? Посмотри, какой мы тут устроили беспорядок! Ох, никакого желания идти... Дорогой, когда будешь уходить, закрой дверь на ключ, не забудь... Привет.

Теперь видно, что Мартин сильно взволнован. Он собирается что-то сказать. Но Ольга уже в дверях. Она торопливо уходит. Мартин в задумчивости. Он поднимается, натягивает только брюки и пиджак и тоже выходит, оставив дверь полуоткрытой.

Сцена 58

Лестница в доме Ольги. Интерьер. День. Мартин подходит к двери квартиры, где живет Лиза. Дверь притворена. Никаких признаков жизни, Мартин толкает дверь, крадучись, входит.

Сцена 59

Квартира Лизы. Интерьер. День. Мартин обследует комнату, которая кажется пустой. Он видит Лизу; свернувшись на большой кровати, она выглядит совсем маленькой. Ее глаза обведены тенями, она тупо смотрит на приближающегося Мартина. Не отрывает от него своего пристального, погасшего взгляда. Мартин присаживается на кровать, рядом с девочкой. Нежно зовет ее.

М а р т и н. Лиза...

Девочка медленно поворачивает головку. Мартин склоняется к ней. В глазах малышки светится ужас. Лиза садится, свесив босые

ноги, затем встает, идет вдоль стены к двери, останавливается. Мартин продолжает сидеть на постели. Лиза выскальзывает в полуоткрытую дверь.

Сцена 60

Лестница в доме Ольги. Интерьер. День. Лиза поднимается по темной лестнице, ведущей на чердак. Открывает дверь чердака, которая бесшумно закрывается за ней. Мартин видит, как она поднимается по темной лестнице и входит на чердак. Но Мартин не идет за ней.

[Сцена 61

Квартира Ольги. Интерьер. День. Мартин не спешит. Он неподвижно сидит у окна в кресле, будто ждет чего-то. Мартин сидит неподвижно.]

Сцена 62

Пригородный вокзал. Элизабет и Гюнтер поднимаются из подземного перехода вокзала. За ними следуют гувернантка, две девочки и слуги из дома фон Эссенбеков с багажом. Элизабет и Гюнтер садятся на скамейку. Элизабет улыбается, она выглядит почти счастливой.

Гюнтер (*шутливо поднимая руку*). Свершилось!..

Элизабет. Нам будет не хватать тебя. И если ты приедешь навестить нас, Герберт и я будем рады. Постарайся приехать. Девочки в восторге. Они так давно его не видели. А я больше их.

[Сцена 63

Яхта. Натура. Полдень. Ранний вечер прекрасного весеннего дня. Фридрих и Софи удобно растянулись в шезлонгах на борту «Софи» — маленькой моторной яхты Эссенбеков. Яхта бесшумно скользит по самой середине реки. Ее берега покрыты густыми лесами, которые сменяют равнины или холмы с белыми пятнами крестьянских домов, а иногда где-то там, в вышине, мелькают окруженные башнями романтические замки. Матрос только что принес поднос с чаем и теперь собирается обслужить их. Софи останавливает его.

Софи. Спасибо, я сама...

Матрос (на его безупречно белой майке большими синими буквами написано «Софи») неслышно удаляется, а Софи в это время, скло-

нившись к портативному патефону, ставит пластинку, нажимает «пуск»: звучит французская песня в исполнении Люсьенн Буайе. Софи поглощена мелодией. Фридрих испытующе смотрит на нее какое-то время, затем берет ее руку, молча сжимает, целует.]

Сцена 64

Чердак дома. Интерьер. Ночь. На чердаке висит тело маленькой Лизы.

Сцена 65

Дом Ольги. Интерьер. Рассвет. Полицейский поднимает занавес на окне. Испуганное лицо Ольги.

Ольга. Что происходит? Что вы здесь делаете? Что вам нужно от меня? Я ничего не знаю, ничего, что вы хотите?

Ольга не понимает, что происходит, она выглядит обезумевшей от этого вторжения. Мужчина средних лет, одетый в гражданский костюм, весьма скользкий тип (инспектор гестапо), рассматривает вещи и украшения на туалетном столике. Инспектор с подобострастием оборачивается к кому-то, кого мы не видим.

Инспектор. Он завалил ее дом подарками. Дорогие вещички.

Берет с комода золотой портсигар Мартина.

Ольга. Я вам сказала, что ничего не знаю. Что еще я должна сказать?

Инспектор подходит к своему собеседнику. Это Константин.

Голос инспектора. Когда я узнал, что речь идет о бароне фон Эссенбеке, я позволил себе пригласить вас. Иначе бы я не осмелился.

Он вынимает портсигар из кармана. Открывает его. Склонившись, предлагает сигарету Константину; тот отказывается. Инспектор держит в руке портсигар Мартина.

...Настоящего обвинения у нас нет... Только показания родственников... и имя, произнесенное в бреду бедной жертвой... То есть девочкой... Ничего другого. Тем не менее час назад молодой барон был задержан при выходе из одного заведения... Знаете, те, что на Граенштрассе...

Константин решительно забирает портсигар Мартина и кладет его в карман.

Константин. Я сам этим займусь.

Инспектор. Доставьте женщину в полицию.

Ольга, услышав эти слова, делает попытку уйти, но два агента, схватив ее за руки, бросают на кровать.

Ольга. Я не пойду в полицию. Я ничего не сделала. Я не хочу идти туда... Нет, отпустите меня.

Сцена 66

Замок. Комната Софи. Интерьер. День.

Фридрих. Прочти это. Невероятно.

Софи за туалетным столиком. Она заканчивает свой грим. Поворачивается к Фридриху, берет письмо. Читая его, медленно ходит по комнате из угла в угол. Постепенно ее охватывает волнение.

Она останавливается и поворачивается к Фридриху.

Софи (*не веря*). Что это значит?

Фридрих. Именно этот вопрос я задаю себе.

Софи. С каких пор Мартин стал проявлять инициативу?

Фридрих подходит к Софи, забирает письмо.

Фридрих. Экстраординарный созыв Административного совета... У него большая часть акций. (*Софи.*) Он может сделать это, когда пожелает. Но что ему нужно от Административного совета?

Софи. Мы это сейчас выясним.

Софи собирается уйти. Фридрих останавливает ее.

Фридрих (*загадочно*). Ты знаешь, где он?

Софи. Нет.

Софи смотрит на него, не понимая.

Фридрих. Я искал его везде. Безрезультатно, найти его не удалось, Софи... Последний раз его видели три дня назад, в баре, в Дюссельдорфе. Потом следы его теряются.

Софи обескуражена.

Софи. Его необходимо найти. Если понадобится, мы всю Германию вверх дном перевернем.

Сцена 67

Сталелитейный завод Эссенбеков. Складское помещение. Интерьер. День. Один из руководителей завода с большим беспокойством смотрит на кого-то, кого мы не видим. В руках он держит листы бумаги.

Руководитель (*робко*). Но президент...

Рука решительно отбирает у него листки. Это рука Константина.

Константин. Президента нет. В его отсутствие вы будете поступать так, как сказал я.

Другие представители руководства завода, стоя в стороне, с удивлением наблюдают за этой сценой. Первый руководитель вопросительно смотрит на них, словно ища поддержки, потом отваживается.

Руководитель (*Константину*). Но мы получили точные распоряжения — не отгружать.

Константин (*резко обрывая*). Всю ответственность я беру на себя. (*Константин вынимает ручку и нервно пишет на листках несколько слов.*) Весь груз должен быть отправлен в Штутгарт и предоставлен... (*Протягивает листки руководителю, который берет их, не в шутку волнуясь.*) местному командованию СА. Я ясно говорю?

Решительным шагом он удаляется, и мы следуем за ним вдоль длинного ряда пулеметов. Он направляется к выходу.

Сцена 68

Замок. Спальня Софи. Интерьер. Ночь. Постель Софи не тронута. Слабый свет ночника освещает один лишь угол, оставляя комнату в полумраке. На комодѣ таинственное письмо Мартина. Софи в ночной рубашке сидит в кресле. Она выглядит усталой, подавленной. Фридрих нервно курит, медленными шагами меряя комнату. Никто не произносит ни слова. Софи сильно сдавливает пальцами виски, чтобы успокоить тяжелую мигрень. Неожиданно звонит телефон. Телефонный звонок. Софи порывисто оборачивается.

Фридрих быстро подходит к аппарату, снимает трубку.

Фридрих (*с надеждой*). Слушаю.

Но надежда почти тотчас исчезает с его лица. Софи подходит к нему, припадает, обхватив его за плечи, словно хочет услышать говорящего. Проходят несколько секунд. Потом Фридрих, покачав головой, кладет трубку. Так они и стоят, неподвижно, будто связанные. Софи с силой сжимает плечи Фридриха.

Софи (*голос дрожит*). Его нашли, Фридрих, его нашли?

Фридрих с удивлением отмечает эту неожиданную слабость Софи.

Фридрих (*спокойно и уверенно*). Постарайся успокоиться, ну, возьми себя в руки, мы найдем его... С помощью всех этих людей, которых я направил по его следу, мы его найдем.

Из напыла. Та же сцена. Ночь. Теперь Фридрих, как был, в одежде, лежит, растянувшись на кровати.

Голос Софи. Попробуй позвонить Ашенбаху.

Фридрих. Еще рано.

Голос Софи (*очень возмущена*). Почти три... Может быть, все-таки попытаешься!

Фридрих рывком поднимается и подходит к телефону. Софи растерянно смотрит в окно.

Голос Фридриха. Офицера Ашенбаха, пожалуйста... Срочно...

Глаза Софи вспыхивают. Она увидела...

Сцена 69

Наружная сторона замка. Ночь. В окне под самой крышей, в противоположном, нежилом крыле замка, вдруг загорается слабый свет. Потом снова гаснет.

Сцена 70

Замок. Комната Софи. Интерьер. Ночь. Софи стоит у окна. Она резко поворачивается к Фридриху.

Софи (*в сильном волнении*). Фридрих!.. Фридрих!..

Фридрих, который стоит у аппарата, нервным жестом просит ее замолчать.

Фридрих (*в трубку*). Брукман... Фридрих Брукман из замка Клейсбург. Да, спасибо, подожду...

Софи принимает решение; она идет к двери.

Сцена 71

Замок. Коридор. Пустые комнаты. Темная лестница. Интерьер. Ночь. Софи минует все эти пространства. Она идет все быстрее.

[Сцена 72

Замок. Винтовая лестница. Интерьер. Ночь. Софи торопливо поднимается по винтовой лестнице, узкой и бесконечной. Она устала, тяжело дышит, останавливается в темноте, ждет. Напрягает слух.

И снова начинает подниматься.]

Сцена 73

Замок. Чердак. Интерьер. Ночь. Софи, одолев винтовую лестницу, попадает на чердак. Ищет рукой на стене выключатель, находит его, идет дальше. Не успев ступить в длинный коридор, Софи ви-

дит, как из соседней двери выходит человек. Он появляется на пороге. Затем выходит, запирает дверь. Направляется к лестнице. Софи удается остаться незамеченной. Это Янек, слуга Константина.

[Сцена 74

Замок. Второй чердак. Интерьер. Ночь. Софи старается привыкнуть к темноте. Затем ощупью начинает пробираться вперед. Мы на чердаке, заваленном старым хламом, большими и маленькими вещами, мебелью, стульями, ящиками, баулами, игрушками, статуями. Через множество окошечек проникает слабый лунный свет, который помогает Софи ориентироваться. Она идет медленно. Ногой проверяет пол, руками осторожно ощупывая многочисленные предметы. Понемногу, с большими предосторожностями она продвигается вперед. Теперь ее слух фиксирует... постоянное и монотонное жужжание. Софи продолжает свой путь. Жужжание нарастает.]

Сцена 75

Замок. Второй чердак. Интерьер. Ночь. Софи поднимается по лестнице на большой чердак. Ждет, когда глаза привыкнут к темноте, затем идет вперед. Обо что-то спотыкается. Наклоняется. Ощупывает руками пол. Поднимает какой-то предмет; останавливается. Софи стоит, затаив дыхание. Теперь она «слышит», что в темноте кто-то есть. Она замирает на несколько секунд, которые кажутся вечностью. Теперь она видит. И порывисто устремляется в самый темный угол, хватая кого-то. Под окошечком, освещенным лунным светом, на полу кто-то спит. Долгий стон.

Голос Софи (*жесткий, настойчивый*). Мартин... Мартин... Чего ты боишься? Ответь мне! Почему Константин держит тебя здесь, взаперти? Чего он хочет от тебя? Что ты ему пообещал?.. Мартин...

Софи хватая сына, всхлипывающего на полу. Рукой взъерошивает волосы, поднимает голову, поворачивает лицом к себе. Смотрит в глаза... Мартина. Юноша сильно напуган; он дрожит. Его взгляд впиивается в глаза матери... Он будто под гипнозом.

Слабым голосом произносит.

Мартин. Константин...

И не может продолжить. Софи еще сильнее впиивается в его волосы, приближает свое лицо к лицу сына, заглядывает прямо в глаза.

Софи. Что произошло, Мартин?.. Что ты натворил?

Мартин. Я боюсь... я в его руках...

Софи прижимает к груди голову Мартина, гладит по волосам.

Мартину холодно, его начинает бить озноб.

...Я боюсь.

Софи. Нет, Мартин, нет... я помогу тебе... но расскажи мне все... Все... Я должна знать все, чтобы помочь тебе. Ты понял, Мартин? Мартин!

Юноша падает на пол, царапает его руками.

...Говори, Мартин... Говори... Это он заставил тебя написать письмо?

Мартин. Нет!!!

Софи (*мрачно, словно разговаривая сама с собой*). Ты не должен беспокоиться. У тебя есть мать, она защитит тебя.

Сцена 76

Здание СД. Кабинет. Интерьер. Ночь. Из полутьмы надвигается злая усмешка Ашенбаха, которого едва освещает настольная лампа.

Ашенбах (*вздыхнув, словно сам с собой*). Значит, пришло время раздавить маленький невинный цветок.

Пауза. Затем обращается к... Софи, которая сидит напротив, в кресле. Перед ней за письменным столом Ашенбах. Позади него огромный, выпирающий со стены портрет Гимлера.

...Потому что цветок мешает нашему движению вперед. Эту гипотезу я уже развивал нашему кузену Фридриху. Но Фридрих еще недостаточно хорошо усвоил смысл гегелевской системы. Когда назначен Административный совет?

Софи. Через десять дней, как того требует устав.

Ашенбах. И какова будет процедура?

Софи отвечает уверенно, как и подобает человеку, хорошо знакомому с этими вещами.

Софи (*с ироничной улыбкой*). Все очень просто... Константин потребует подтверждения полномочий. Будет проведено голосование. Мартин, которому принадлежит большая часть акций, откажет Фридриху в своей поддержке.

Ашенбах (*перебивая*). ...и передаст дела Константину.

Софи с трудом удаётся побороть гнев.

Софи (*после паузы*). Но как случилось, что Константину удалось заполучить Мартина?

Ашенбах. У Константина много друзей в полиции. СА. Ге-стапо. Все это пока звенья одной цепочки, которую предстоит порвать... Впрочем, в ближайшее время документы по делу Мартина

перейдут к более влиятельным лицам. (*Ашенбах поднимается и приглашает Софи проследовать за ним.*) Пойдем.

Вместе уходят.

Сцена 77

Здание С.Д. Вестибюль и лестница. Интерьер. Ночь. Ашенбах показывает дорогу Софи. Караульные, полицейские, СС и служащие встречают его нацистским приветствием. Они входят в вестибюль, и Ашенбах знаком показывает Софи, что надо подниматься по лестнице.

Сцена 78

Здание С.Д. Архив. Интерьер. Ночь. Огромное помещение. По всей его высоте стеллажи с папками. Обстановка мрачная, жутковатая, почти ирреальная. Раздаются звуки шагов, потом голос Ашенбаха.

А ш е н б а х. Это самый полный архив, который когда-либо был задуман.

Ашенбах и Софи подходят к одному из стеллажей.

А ш е н б а х. Здесь собрана вся частная жизнь Германии. Есть все. Здесь даже можно найти вашу с Фридрихом историю. Представляла ли ты себе такое?

Подходят к картотеке.

...Видишь ли, это совсем не трудно — проникнуть в жизнь людей... сегодня каждый немецкий гражданин — наш потенциальный информатор... коллективный инстинкт нашего народа — это уже участие... Тебе не кажется, что именно в этом и заключено подлинное чудо третьего рейха? (*Ашенбах пальцами перебирает плотный ряд карточек.*) Если хочешь, мы могли бы вместе почитать будущее Константина, если у него есть таковое...

Со ф и. У Константина будет будущее до тех пор, пока сильны его друзья.

А ш е н б а х. На твоём месте я бы не был таким пессимистом! Видишь ли, СА нужны были, чтобы завоевать Германию; чтобы завоевать мир, нужна армия. Но армия ничего не желает знать о СА. Позиция генералов определена четко: или мы, или они. Неужели ты хочешь, чтобы канцлер разочаровал наших храбрых генералов?

Со ф и (*выглядит очень заинтересованной*). Ты и в самом деле веришь, что Гитлер намерен оттеснить от дел своего друга Рёма?

А ш е н б а х (*изображая страшное удивление*). Оттеснить от дел...

Такого человека, как Рём?.. Это было бы и слишком мало, и слишком рискованно...

Ашенбах и Софи снова начинают просматривать картотеку.
...Некоторые вещи нельзя делать наполовину.

Софи улыбается.

Софи. Константин вам враг не меньше, чем нам. Для вас ведь не составило бы никакого труда разрешить этот вопрос... без...

Ашенбах (*учтиво перебивая*). Нет, кузина Софи. Это не так... Это прекрасно, что ты со своей стороны пытаешься оградить Фридриха от такого неприятного дела. Но мы заключили определенные соглашения, так поделим и издержки нашего союза.

Пауза. Что-то тревожит Софи. Но она снова начинает говорить.

Софи. Фридрих сделает все... что он должен сделать... но... При этом «но» Ашенбах внимательно вглядывается в Софи. Софи продолжает.

...Я бы хотела, чтобы ты помог мне не подвергать его больше неприятностям такого рода...

Ашенбах. Объяснись лучше.

Софи (*пытаясь улыбкой смягчить непомерность своей просьбы*). Тебе следовало бы помочь нам превратить дело Эссенбеков из семейного предприятия в предприятие, которое находилось бы в руках одного владельца, но поскольку Фридрих не носит имени фон Эссенбек...

Ашенбах (*решительно*). Это невозможно.

Софи (*вставая*). В этой стране нет ничего невозможного!.. (*С большой убежденностью, почти со страстью.*) Достаточно одного указа, и ты мог бы добиться для Фридриха имени и титула фон Эссенбек.

Ашенбах (*холодно*). Тебе не кажется, что ты просишь слишком многого?

Софи (*сухо*). Вы тоже требовательны!..

Она все ближе подходит к Ашенбаху и говорит все более горячо.

Ашенбах берет ее руку, затянутую в перчатку, целует.

...Ты знаешь, как враждебно относятся к нашему браку...

Ашенбах. О, Софи, история вашей любви восхитительна. История, достойная подражания. Но я не вижу, какая здесь связь с жизнью третьего рейха.

Софи (*пылко*). Это не только история любви!.. Чтобы вести войну, нужны пушки, которых у вас не будет в достаточном количестве без сталелитейных заводов Эссенбеков... Смотри, кузен Ашенбах, в этом противоборстве у меня не меньше аргументов, чем у тебя.

Молчание. Потом Софи спрашивает:

...Отчего это вдруг ты стал таким скрягой и не хочешь уступить?

Ашенбах (*после недолгих раздумий*). При любых обстоятельствах власти необходима альтернатива, пусть даже гипотетическая. Это первое условие искусства управления.

Софи останавливает его жестом руки.

Софи. Хватит, итак, я поняла...

Смотрит прямо в глаза Ашенбаха с вызовом.

Ашенбах (*настойчиво*). Я хочу сказать, что мне не кажется своевременным передавать что бы то ни было в руки Фридриха... Даже то, что принадлежит Мартину.

Софи останавливается. Поворачивается к Ашенбаху, который добавляет:

...Он твой сын, Софи. Возможно ли, чтобы я напоминал тебе об этом?

Софи не отвечает. Она прячет злую усмешку и рукой прикрывает рот Ашенбаху.

Сцена 79

Замок. Комната Софи. Интерьер. Ночь. Фридрих, в одежде растянувшись на кровати, читает «Майн кампф» Гитлера. Софи, лучащаяся счастьем, входит в комнату, подходит к Фридриху, обнимает его, целует. Потом высвобождается из объятий, чтобы заглянуть ему в глаза.

Фридрих. Я не могу в это поверить... Когда?

Софи. Скоро, Фридрих... Прежде, чем ты успеешь в это поверить!

Фридрих (*озабоченно*). Но Ашенбах...

Софи (*помрачнев*). Ашенбах против. Но какое это имеет значение? Он тоже окажется перед свершившимся фактом. Ты даже не понимаешь, что у тебя веса больше, чем у него! Ашенбах только говорить умеет, ты же производишь пушки... Это дело большой важности, поверь мне... особенно для канцелярии!.. Указ, Фридрих!.. Ты не думал об этом?.. Фридрих фон Эссенбек... (*Воодушевляясь*). Ах! Власть! Ты забыл о ней? Вся власть — или ничего! И потом мы поженимся, Фридрих, очень скоро. Ты и я, вместе... до конца.

Фридрих. А Мартин?

Софи. Мартин никогда не был препятствием.

Даже Фридриха поражает жестокость Софи.

Фридрих (*с тревогой*). А Константин?.. Он тоже не препятствие?

Софи (*после паузы, решительно*). Ты должен сделать это. Это остается за тобой.

Фридрих. Это не страх, Софи, это не то... страх...

Софи пристально смотрит ему в глаза.

...Иоахим, Константин... А завтра?.. Трудности продолжаются, и я знаю, что в конце концов попаду в руки Ашенбаха.

Софи. Когда ты будешь на вершине пирамиды, даже у Ашенбаха не будет уже над тобой власти.

Фридрих (*тряся головой*). О, мой бог! Я принял безжалостную логику и никогда не вырвусь из нее. (*Долгое молчание.*) О, Софи... Когда?

Софи (*с улыбкой триумфатора*). Ашенбах скажет тебе, где и когда.

[Сцена 80

Замок. Комната Константина. Интерьер. День. В чемодан, поверх аккуратно уложенной одежды, очень осторожно кладется пистолет.

Голос Константина (*крича*). Ты с ума сошел! Зальцбург, выбрось все это из головы!

Янек, который стоял, склонившись над чемоданом, разгибает спину. Его движения медлительны и аккуратны, у него вид человека, которому безразличны другие люди и крик, стоящий вокруг. Он отходит от чемодана и направляется к... раскрытому шкафу. Проходит мимо Константина, который натягивает сапог.

Константин. Музыка, консерватория... Дела!.. И где, в доме этого червя Герберга!

Константину не удается натянуть сапог. Он раздражается.
...Ты, иди сюда, не видишь — не лезет?

Приглашение обращено к Янеку, который раскладывает в шкафу вещи. Юноша бежит на помощь к хозяину. Константин поднимает угрожающий взгляд на... Гюнтера, который стоит молча, с мрачным выражением на лице. С помощью Янека Константин натягивает второй сапог. На этот раз все складывается удачно.

Константин (*Янеку*). Давай заканчивай!

Янек возвращается к шкафу. Гюнтер поворачивается к отцу.

Гюнтер. Я бы хотел поговорить с тобой минуту, одну только минуту.

Константин тяжело поднимается, делает несколько шагов, разминая сапоги.

Константин. Слушаю.

Гюнтер дает понять, что его стесняет присутствие Янека, который

перекладывает вещи из шкафа в чемодан. Но Константин не обращает на это внимания.

...Что же ты молчишь?

Гюнтер (*в нерешительности*). Я... я хочу уехать хотя бы на какое-то время... Это необходимо, папа... Мне нужно... Попробуй понять!

Константин натягивает пиджак. Янек, заметив это, торопится на подмогу.

Константин. Тебе и в самом деле так отвратительна эта страна? Зажми нос, сынок, и перетерпи.

Надев пиджак, Константин подходит к сыну, а Янек тем временем возвращается к чемодану, закрывает его и прижимает коленом крышку.

...И еще постарайся и отца своего стерпеть...

Теперь отец и сын стоят лицом к лицу.

Константин. Я знаю, что ты меня терпеть не можешь... И я, заметь, совершенно не прошу тебя любить меня... Совсем наоборот!.. Я бы хотел, чтобы ты действительно меня ненавидел, чтобы обкрадывал меня, чтобы мог ударить в спину, впиться мне в горло и вырвать все, что принадлежит мне! (*Константин с силой встряхивает сына.*) Но ради бога! Хоть раз покажи, что ты можешь не быть клячей!

Он сожалеет о своем поступке и о крике. Ослабляет хватку. Кладет свои ручки на плечи сына и подыскивает более теплый, отеческий тон.

...Выслушай меня хорошенько. Сейчас я должен быть вместе с моими друзьями в Виссее... Они все там, ты слышал... Он отправил их отдохнуть, наш канцлер!.. Но закончится вся эта история!.. Представь себе, если они таким образом намереваются провести нас... Тогда я вернусь, и здесь вся эта музыка тоже изменится! Я, Гюнтер... я буду хозяином в этом доме... Но зачем все это, если тебе наплевать и на завод, и на все остальное.

Гюнтер вежливо, но решительно снимает руки отца, словно обретая свободу, и они тяжело падают.

Гюнтер (*спокойно и решительно*). Ты можешь держать меня здесь до тех пор, пока я не смогу распоряжаться собой сам. Но в конце концов ты должен будешь смириться.

Константин. Ты хочешь всю жизнь прятаться за этим твоим проклятым инструментом?.. Напомню тебе, ты — фон Эссенбек. И в конце концов ты сам это поймешь.

Гюнтер не отвечает, он долго смотрит на отца, словно желая этим опровергнуть его пророчество.

Константин прощается с ним.

...Мы еще поговорим об этом после моего возвращения.

Гюнтер продолжает молчать.

Константин еще немного смотрит на сына, затем выходит вместе с Янеком, который трусит позади с огромным и тяжелым чемоданом. Гюнтер остается один. Его холодный взгляд блуждает где-то далеко отсюда.]

Сцена 81¹

Общий план отеля «Хансельбауер». Висзее. Натура. День. К входу в отель подъезжают три машины. Останавливаются, из них выходят Константин, несколько офицеров и Янек.

Константин. Я не был в Висзее со времен Мюнхена.

Первый офицер. Гнусное время. Сейчас лучше, вам не кажется?

Второй офицер. Мои воспоминания о Мюнхене — это путч, шлюхи и карцер с клопами.

Третий офицер. Согласен. Путч и карцер должны были быть одним и тем же... *(Разражается хохотом.)*

Первый офицер. И шлюхи, замечу, тоже!

Теперь смеются все вместе. Константин тоже. Входят в отель.

Сцена 82

Висзее. Пивная терраса. Натура. День. Около полудюжины солдат СА, как карательный взвод, нацеливают ружья в ожидании команды «огонь». Офицер поднимает вверх тросточку. Резко опускает ее. Сухой ружейный залп. Несколько картонных фигур, изображающих крупных политических и государственных деятелей Германии, падают одна за другой под пулями. Стоять остается только фигура Гинденбурга. Молодой солдат стремглав несетя через все поле, будто за ним гонятся. Подбегает к стене, на которой висели пять мужских портретов, изрешеченных пулями. Изучает их один за другим. Затем поворачивается и, приложив руки ко рту, наподобие рупора, кричит.

Молодой солдат. А старый-то хрен уцелел! *(Показывает рукой в сторону... картонного Гинденбурга, целого и невредимого.)*

¹ В итальянской версии фильма все эпизоды сцены «Ночь длинных ножей» (с 81 по 97 включительно) сохранены в оригинале.

За кадром. Дружный хохот.
Среди присутствующих два офицера СА.

Первый офицер (*смеясь*). Сегодня они воздают должное Гинденбургу... Завтра будут способны подвесить самого канцлера.

Второй офицер. Совсем не дурная идея. Лично мне он уже надоел.

Сцена 83

Виссее. Отель «Хансельбауер» и небольшая площадь перед ним. Натура. День. Отель разукрашен флагами со свастики. Площадь запружена народом (в основном это штурмовики СА). Толпа расступается, чтобы освободить место... большому черному «хорху» с откинутым верхом. В машине в окружении юношей стоит офицер, приветствующий толпу. Рука вытянута в нацистском приветствии.

В толпе разговаривают двое военных.

Первый военный. Командир.

Второй военный. Сам на машине приехал. От поезда его тошнит.

Машина останавливается. Офицер выходит и в окружении других офицеров направляется в отель. Его обступают штурмовики.

Сцена 84

Окрестности Виссее. Заросли кустарника на берегу озера. Натура. День. Ватага голых солдат выбегает из кустарника, несет к озеру и бросается в воду.

Сцена 85

Виссее. Озеро Тегернзее. Натура. День. Небольшие прогулочные лодки пересекают озеро во всех направлениях, сталкиваются друг с другом и с купающимися. В одной из лодок Константин с молодым парнем, почти мальчиком. Голос Константина, поющего арию — плач на смерть Изольды. Озеро. Одна из лодок берет на бордаж другую лодку. Солдат, стоявший на ее корме, падает в воду. Крики, хохот. Несколько купающихся молодых людей импровизируют небольшое соревнование по плаванию.

Сцена 86

Виссее. Отель «Хансельбауер». Зал. Интерьер. Ночь. Странный тип в штатском: вся грудь в медалях, живот налит пивом, с видом

опытного оратора держит речь.

Человек в штатском. Если наши сапоги были хороши, когда надо было дать пинок под зад демократии, то они должны быть хороши и для ковров канцелярии. Я вам скажу...

Но сказать он ничего не успевает, потому что его силой стаскивают вниз и он кубарем валится на пол.

Мы видим, что стоял он на большом столе, за которым восседают его сотрапезники. Огромный зал заставлен множеством шумных столов. Основная масса присутствующих одета в форму. Но есть и другие, в штатском, без пиджаков, может быть, только военные береты на головах. Крики, песни, смех.

За столом.

Один из солдат завалил девицу, которая болтает ногами в воздухе. Приятели подзадоривают его. Девиде удастся подняться и смыться.

Она смеется. Убегая, она получает град шлепков по заду.

Из кухни в зал входят «официантки», несущие на огромных подносах кислую капусту и кружки с пивом.

Одни целуют женщин, другие отплясывают с танцовщицами польку. Повсюду неразбериха и веселье. Неожиданно один из офицеров запекает гимн СА — «Песню Хорста Весселя». Все застывают и хором подхватывают гимн.

Поднимается и Константин вместе с офицерами, сидящими с ним за одним столом. Стоя, они поют вместе со всеми.

В несколько секунд набирает мощь мотив... военной песенки. Он нарастает, становится плотным. И в конце концов превращается в нестройный, но оглушающий хор. Кто-то влезает на самый длинный стол и, сбивая ногами стаканы и тарелки, пускается в пляс в ритме военной песенки. Трех девиц насильно втаскивают на стол и вовлекают в танец. По всей длине стола мелькают пьяные лица, перед которыми ноги танцующих выдвывают пируэты. Среди зрителей тщедушный офицерик, он так разительно отличается от них, что кажется, будто очутился здесь случайно. Его глаза мутны от выпитого, и он сам для себя читает Шиллера.

Тщедушный офицерик. «Я тоже не рожден был пастухом. Без усталы гонюсь за беглой целью...

Две руки вдавливают его голову в ворот мундира до тех пор, пока он не валится под стол, где и продолжает свою декламацию:

...И упиваюсь жизнью лишь тогда, когда все вновь я цели достигаю»¹.

¹ Шиллер Ф. Избранные стихотворения и драмы. М.: ГИХЛ, 1937. Пер. О. Мандельштама.

Очутившись на полу, юноша впадает в протрацию. Но в этот момент раздаётся чудовищный грохот, стол, находящийся над его головой, поднимают и относят в сторону, и тщедушный офицерик предстает на всеобщее обозрение в полной неподвижности. Его поднимают за руки и за ноги и отволакивают в сторону. Остальные столы тоже сдвигаются или опрокидываются. Пока наконец в центре зала не образуется подходящая танцплощадка. Весьма скромный оркестр, расположившийся в углу, начинает играть. Около десятка штурмовиков выскакивают на площадку. Некоторые из них успевают прихватить немногих присутствующих девиц. Все танцуют. Одни мужчины танцуют друг с другом, другие развалились на полу, некоторые поют. Одна из девиц мечется в руках дорожного партнера, пытаясь оказать ему сопротивление. Ей удается вырваться, она убегает. Бегают по залу и другие девицы, преследуемые офицерами СА. Преследования, крики, хохот. Молодой солдат размахивает руками, пытаясь привлечь к себе внимание присутствующих.

Молодой солдат. Эй!.. Я вам говорю!

Срывает со стола скатерть, набрасывает ее на себя и, вихля задом, прохаживается, подражая кинодиве. Покачивая бедрами, он выбирает себе партнера на танец и делает ему несколько поклонов. Они начинают танцевать, прижавшись щекой к щеке.

Сцена 87

Виссее. Берег озера и задняя стена отеля «Хансельбауер». Натура, Ночь. Два офицера выходят из пивного зала. Останавливаются на берегу озера.

Первый офицер. Рем был бы большим кретином, если бы позволил Гитлеру провести нас.

Второй офицер. Кретином, черт побери! Договорится эта парочка, как ты думаешь?

Первый офицер. Да брось!.. Я тебе говорю, что если он не перестанет нас дожимать, то от него, от этого канцлера, даже усов не останется!.. Поганый мир, мы своими руками посадили его на это место, а теперь он нас же хочет вышвырнуть в угоду армии!

В дверях появляется Константин.

Константин. Так когда, вы говорите, закончатся эти каникулы?

Подходит к ним.

Второй офицер. Э-э!.. Они будут держать нас здесь вместе с командиром, пока не договорятся.

Константин (*второму офицеру*). А если не договорятся?
Второй офицер. Стреляться. Что еще ты собираешься делать?

Двое офицеров поджидают, когда он их догонит. Открывается служебный выход, из которого доносятся... шум и музыка. На пороге появляется третий офицер.

Третий офицер. Идете вы или нет, в самом деле... Вы пропускаете самое интересное!

Первый офицер. Да здесь мы!.. (*Константину*.) Ну давай, пошевеливайся!

Первый и второй офицеры уходят, за ними идет Константин.

Сцена 88

Виссее. Отель «Хансельбауер». Зал. Интерьер. Ночь. Издалека в танцующих парах нет ничего необыкновенного. Но, приблизившись, мы замечаем, что большая часть молодых людей переодеты в женское платье. Другие полураздеты. По их спинам струится пот. Некоторые гости ползают под столами, не находя в себе сил подняться на ноги. Какой-то старый офицер ласкает мальчика. Небольшая группка штурмовиков сгрудилась вокруг дивана, будто врачи, собравшиеся на консилиум. На диване голая девица. Вокруг нее лица товарищей по приключению, горящие звериной похотью. Столы и стулья опрокинуты. На полу осколки разбитых бутылок, напоминающие стоячее болото. Оркестрика больше нет. На пианино бренчит юноша гимн СА. «Песня Хорста Весселя». Появляются несколько переодетых в танцовщиц юнцов; выстроившись в линейку, они неуклюже пытаются изобразить танцевальный номер мюзик-холла под хлопки присутствующих. Группа офицеров и переодетых молодых солдат, окружив пианино, запевают песню: *Es zittern die morschen Knochen*¹.

Сцена 89

Виссее. Отель. Коридор и лестница. Интерьер. Рассвет. Неумело распевая, первый и второй офицеры поднимаются по ступенькам, которые ведут в их комнаты. В коридоре, куда выходят двери номеров, оживленно: одни солдаты входят, другие обмениваются приветствиями, третьи выходят из туалета. Константин, поддерживаемый переодетым юношей, тоже поднимается в свою комнату, за

¹ «Гремят старые кости...» (*нем.*)

ним следует Янек. Янек не входит в комнату хозяина, а устраивается на диване, который стоит здесь же, в коридоре.

Сцена 90

Висзее. Отель «Хансельбауер». Зал. Интерьер. Рассвет. Чем-то вроде деревянных грабель остатки праздника сгребаются в одну кучу. Этим приспособлением орудует старый и заспанный слуга. Зал почти пуст и пребывает в ужасном беспорядке. Стулья на столах. За пианино солдат, он все еще продолжает играть, а совершенно пьяный Константин поет арию Изольды. Плач на смерть Изольды (Вагнер).

Сцена 91

Висзее. Наружная сторона террасы. Натура. Рассвет. Юноша, тот, что читал стихи, все еще переодетый в женское платье, сидит на террасе, положив одну ногу на столик. Из помещения выходит Янек, подходит к парапету и смотрит на озеро. Юноша заспанно потягивается, затем вдруг весь обращается в слух, как если бы он услышал какой-то странный гул в ночной тиши.

Сцена 92

Баварский пейзаж. Рассвет. Колонна из мотоциклов, автомобилей и грузовиков с солдатами СС движется по дороге. Автоколонна останавливается. Из грузовиков выпрыгивают солдаты и двумя шеренгами выстраиваются вдоль мотоциклистов.

Сцена 93

Висзее. Мол на дальнем берегу озера. Рассвет. По озеру передвигаются две баржи с эсэсовцами. Как только баржи стучаются о берег, солдаты быстро высаживаются, держа автоматы на взводе.

Сцена 94

Висзее. Отель. И небольшая площадь перед ним. Натура. Рассвет. По всем дорожкам, впадающим в площадь, движутся мотоциклы и автомобили. Резкое торможение. Со стороны мола подходят эсэсовцы. Из большого черного автомобиля выходят два человека в штатском. Накапывает дождь; один из них надевает длинный белый плащ. Из других машин продолжают высыпать эсэсовцы, вооруженные автоматами. Грузовики и мотоциклы выключают моторы. Двумя шеренгами солдаты входят в отель.

Сцена 95

Виссее. Отель «Хансельбауер». Разные коридоры. Интерьер. Рассвет. Эсэсовцы входят в отель. Бегом поднимаются по деревянной лестнице, ведущей в коридор. Первая группа входит в ближнюю комнату, вторая направляется к комнате Константина. Третья группа эсэсовцев, выбив дверь, врывается в большую комнату. Образовав полукруг, эсэсовцы нацеливают автоматы. Офицер отдает приказ.

Офицер СС. Всем встать!

Первый офицер СА. В чем дело?!

Штурмовики вскакивают, кто с кроватей, кто с матрацев, расстеленных прямо на полу. Эсэсовцы обрушивают на них огневой шквал. Выстрелы; все убиты.

Крики, стрельба.

Офицер СС, переступая через тела, осматривается вокруг.

Офицер СС. Все мертвы. Идем!

Янек поднимается, пытается убежать, но его настигает выстрел, и он, бездыханный, падает на пол.

Крики, стрельба.

Офицер СА в пижаме выходит из своей комнаты и тут же падает на диван, принадлежавший Янеку. К нему подходит эсэсовец, ногой переворачивает тело, чтобы убедиться, что он мертв. Двое эсэсовцев тащат из комнаты полуодетого, кричащего человека. Остальные прикладами бьют офицера по голове. Офицер падает, поднимается и падает снова. Он лежит на полу. В глазах его застыл ужас... Один из эсэсовцев, как палицу, заносит над ним автомат и убивает. Другие эсэсовцы толпятся вокруг жертвы, пиная ее ногами с немыслимой жестокостью. Эсэсовец перед дверью туалета: автоматная очередь... и штурмовик, спрятавшийся в туалете, убит.

Сцена 96

Виссее. Задняя стена отеля и берег озера. Натура. Рассвет. Человек в форме старшего офицера СА с группой штурмовиков спускается по наружной стене пивной. Их преследуют эсэсовцы с офицером.

Офицер СС. Halt!

Бежавшие останавливаются как раз у самой кромки берега, поворачиваются к карателям. Кажется, никто из них не понимает, что же все-таки происходит.

Офицер СА. Господа, я не понимаю, что происходит, но, пожалуйста, цельтесь точнее!

Офицер С.С. Цельсь!

Эсэсовцы выполняют команду.

Огонь!

Автоматные очереди.

Офицер и штурмовики, сраженные насмерть, падают на землю. Тем временем группам штурмовиков, разбросанным по всему отелю, удастся собраться перед дверьми, выходящими на террасу. На террасе, заняв огневую позицию, длинная цепь эсэсовцев.

Офицер С.С. Огонь!

Штурмовики падают на землю, сраженные пулями.

Сцена 97

Виссее. Интерьер отеля «Хансельбауер». Комната. Рассвет. Испуганное лицо мальчика, дружка Константина. Юноша лежит в кровати. Он натягивает простыню по самый нос. Потом решительно накрывается с головой. Автоматная очередь. Черные пятна расплываются по простыне, будто прошел лапильевый дождь. Никакого крика. Только конвульсивные подергивания. А потом полный покой. Константин встает и отходит от кровати. Две пары мужских ног. Они рядом с кроватью, на которой покоится тело убитого юноши. У окна, в глубине комнаты, Константин. Он полугол, вид у него заспанный, отупевший после животной ночи. На его лице нет ни страха, ни удивления, лишь абсурдное безразличие. Он смотрит на дуло автомата, наведенного прямо на него.

Константин. Стреляй!.. Стреляй!..

И опять лицо Константина. Теперь на нем вспыхивает вызывающая улыбка. Улыбка застывает на его губах почти в тот самый момент, когда... слышится выстрел. Затем второй. Лицо Константина искажается гримасой, и он падает. И снова ноги двух неизвестных посетителей. Один из них приближается... *(За кадром. Шумное падение.)* к распростертому на полу телу Константина. Лицо Константина. Он еще жив. Он глазами молит об одолжении — о скорейшей смерти. Его взгляд обращен к... Фридриху, который опустил свой автомат и пребывает в состоянии глубочайшего шока. Фридрих оборачивается к... Ашенбаху и встречает его жесткий взгляд. Фридрих подчиняется. Он склоняется над Константином. Они долго смотрят друг на друга. Невозмутимое лицо Ашенбаха, и в это время... снова звучит выстрел.

[Сцена 98

Замок. Сад. Натура. День. Солнце. Дирижер широко и вдохновенно размахивает своей палочкой... Маленький смычковый оркестр исполняет Allegro Моцарта. Оркестр разместился на небольшом помосте.

Мартин в группе гостей. Юноше весело. Судя по всему, он рассказывает какую-то остроумную историю, потому что его слова встречаются смехом.

По лестнице спускается Софи под руку с Фридрихом. Она выглядит счастливой. Один поцелуй руки, другой...

Мартин больше не смеется. Он неприязненно смотрит на... Фридриха, который с нескрываемым упоением принимает рукопожатия и приветствия.

Наплыв. Та же сцена. Вечер.

Неожиданно над головами приглашенных вспыхивает множество лампочек. Чопорный генерал прогуливается с таким же чопорным промышленником.

Генерал. Кровопускание было необходимо. Канцлер проявил большое благоразумие и выбрал исключительно удобный момент.

Промышленник (*напыщенно*). Это было похоже на освобождение здорового и могучего тела от гангренозной конечности.

Переход на лицо Фридриха, который пытается уловить, что о нем думают все эти люди в разных концах парка. Он бродит взад и вперед, оглядываясь с подозрительностью и тревогой. Стоило ему пройти мимо двух гостей, как между теми немедленно возникает короткий диалог.

Первый гость. Удар мастерский... Имя, титул, сталелитейные заводы...

Второй гость. Э-эх!

Второй гость кивком головы показывает на Софи, вокруг которой кружится основная масса гостей, будто планеты в Солнечной системе.

Постепенно гул голосов затихает. Любопытство, удивление, ожидание можно прочесть на лицах гостей, окружающих Фридриха. Чувствуется, что ему что-то мешает, он бледнеет. Ищет глазами Софи. У нее тоже обескураженный вид, но держится она превосходно. Оба увидели... Гюнтера. Юноша останавливается среди гостей. На его мрачном, напряженном лице написан вызов. Он смотрит на Фридриха. Его окружают умолкшие гости.

И снова звучат абсурдные, гротесковые ноты... Allegro, оркестранты невозмутимо продолжают играть. Гюнтер делает несколько ша-

гов к Фридриху. Останавливается. И снова делает несколько шагов. Немногочисленная толпа гостей расступается, чтобы пропустить его.

Теперь все взгляды устремлены на него... Затем на Фридриха, которому не удастся совладать со своими чувствами. В отличие от него Софи превосходно владеет собой. Она встает рядом с Фридрихом и с решимостью обращает свой взор на юношу. Гюнтер приближается. Затем останавливается перед ними. Софи с большим присутствием духа, дружелюбно улыбнувшись, обращается к мальчику.

Софи. Гюнтер... (*Подходит к нему.*) Спасибо, что ты пришел... Обнимает его, целует в щеку. Отходит. Поворачивается к Фридриху, приглашая его последовать ее примеру. Гости поражены, вовлеченные в это непредусмотренное действие, они стоят, будто их ноги приросли к земле. Фридрих делает несколько шагов. Останавливается, потерянно озираясь вокруг. Гюнтер продолжает стоять, не сводя с Фридриха пристального взгляда. Затем уходит. Гости расступаются, отодвигаясь как можно дальше, как будто имеют дело с призраком. Некоторые, отдалившись, собираются группками. Гюнтер быстро поднимается по лестнице. Вокруг Фридриха образуется пустота. Софи смотрит на него с осуждением: в ее взгляде жестокость и злость. Она направляется к... Мартину, который стоит в отдалении, будто ожидая ее. За спиной Фридриха, словно из ниоткуда, возникает лицо Ашенбаха.

Ашенбах. В чем дело?

Фридрих не находит, что ответить.

...Возвращайся к своим гостям...

Фридрих колеблется. Ашенбах взглядом заставляет его повиноваться. Фридрих направляется к гостям, которые не могут скрыть замешательства. Софи с Мартином.

Софи. И сделай так, чтобы никаких новых выходов!

Мартин покоряется.]

[Сцена 99

Замок. Библиотека. Вечер. Гюнтер, опустив голову, стоит, облокотившись на спинку кресла. Тихо. Затем за его спиной раздается голос.

Голос Мартина. Великолепная сцена, в самом деле! Гюнтер стоит молча, не шелохнувшись. Сзади к нему подходит Мартин. Вдруг Гюнтер, резко повернувшись, смотрит на кузена, затем собирается уйти, Мартин рукой останавливает его.

Мартин. Куда ты?

Гюнтер вырывается и идет к выходу. Мартин следует за ним... подходит к двери, запирает ее и облакачивается спиной. Улыбается подленькой улыбкой. Гюнтер дрожит от гнева. Но сдерживается и, сделав несколько шагов, снова поворачивается спиной к Мартину, который тем временем продолжает:

...Ты понимаешь, что это был поступок идиота?

Мартин подходит к Гюнтеру.

...Садись... Будем вместе ждать конца праздника.

Гюнтер не садится. Снова опирается на спинку кресла. Склоняет голову. Кажется, он сломлен. Наконец его начинают сотрясать рыдания. Мартин смотрит на кузена совершенно равнодушно. Подходит к нему, кладет руку на плечо. Жест этот полностью противоречит душевному состоянию Мартина. От прикосновения Гюнтер вздрагивает, как от удара.]

[Сцена 100

Замок. Парк. Аллеи. Натура. Ночь. Софи и Фридрих прощаются с гостями, которые явно торопятся уйти. Люди расходятся группами. Вокруг полупустых столов снуют слуги. Оркестранты прячут в чехлы свои инструменты. Парк почти опустел. Фридрих и Софи поднимаются по лестнице. Софи держится уверенно. Фридрих подавлен. Вдалеке, словно тень, стоит человек, пристально следящий за этой парой. Это Ашенбах. Вид у него еще более зловещий и коварный. Затемнение.]

Сцена 101

Рабочий кабинет Ашенбаха. Интерьер. Ночь. С невозмутимым видом Ашенбах слушает голос Мартина, звучащий с магнитной ленты. Взволнованное лицо Мартина. Юноша взмок, тяжело дышит. Неожиданно мы обнаруживаем, что говорит не он сам: его голос доходит до нас из-за кадра.

Голос Мартина. Но я не пошевелился, я не сделал ничего, чтобы воспрепятствовать этому. Я оставался в комнате Ольги, я даже пальцем двинуть не мог... Это было молчание смерти. Я оставался там всю ночь и ждал... ждал...

Рука Ашенбаха выключает магнитофон, который стоит на его столе. Мартин впивается руками в подлокотники своего кресла. Ашенбах пронизательно смотрит на него.

Ашенбах. Не волнуйся, я пригласил тебя сюда не для того,

чтобы шантажировать. Это уже попытался сделать Константин... (смеется) ...но попытка не принесла ему удачи.

Мартин смотрит недоверчиво, подозревая какой-нибудь новый подвох.

Ашенбах (с иронией и цинизмом). И потом, валить несчастья на тебя, сына героя, настоящего героя... единственного фон Эссенбека... только потому, что у маленькой еврейки...

При этих словах Мартина передергивает.
...был дурной вкус и она повесилась! (Ашенбах наблюдает за изумлением юноши.) Ты не знал?.. Еврейка!.. А по новому закону... Твое дело--- даже не преступление. И более того...

Мартин отчаянно хватается за это открытие. Ашенбах жестоко отнимает у него неожиданную надежду.

...Но этого слишком мало, чтобы я мог сказать: мы друзья и союзники.

Мартин. Союзники?..

Ашенбах. Если ты этого хочешь.

Мартин (выдавливая беспечную улыбку). Но я думал, что ты с Фридрихом.

Ашенбах. И я так думал до вчерашнего дня. Однако Фридрих решил, что он незаменим... А это заблуждение.

Слова Ашенбаха начинают кое-что прояснять для Мартина.

...Только тот, кто смог примириться с мыслью потерять в один прекрасный день все, что он получил при нашей поддержке, — только тот верный друг... Тот же, кто хочет быть хозяином всего и даже распоряжаться самим собой... тот, у кого есть иллюзия, что он может принимать самостоятельные решения, думать по-своему, тот — нет.

Теперь Мартина переполняют надежда и нетерпение.

...У тебя ведь нет таких притязаний, верно, Мартин?

Юноша дрожит от радости, дикарской, злой.

Мартин. А не слишком ли поздно?.. Этот указ...

Ашенбах. Указ!.. Конечно, ценность этого клочка бумаги безмерна, но лишь до тех пор... пока лицо, которому он принадлежит, может им пользоваться. Они превратили национал-социализм в инструмент для удовлетворения собственных амбиций. Они еще недостаточно хорошо усвоили, что такое национал-социализм.

Мартин (горячась). Но они меня уже вышвырнули вон... Теперь Фридрих может назначать своего преемника.

Ашенбах. Насколько мне известно, Фридрих не имеет детей... пока!

Лицо Мартина светлеет. Ашенбах ведет наступление.

Ашенбах. У твоей же матери есть ребенок... ты, Мартин. Мартин дрожит. Он чувствует: пришло его время, но от охватившего волнения он теряет дар речи. (*После паузы.*) Это было бы так просто... но если ты боишься...

Мартин (*подскочив, в чрезмерном возбуждении*). Я не боюсь!.. Я ждал этого годы.

Ашенбах (*перебивая*). Я говорю не о страхе перед Фридрихом, но... твоя мать.

Ашенбах протягивает Мартину портсигар, забытый им в доме Ольги. Мартин злоеде улыбається, он натянут как струна, будто собирает всю свою ярость, копившуюся годами. Потом говорит; сначала с ледяным спокойствием, затем все более возбужденно и, наконец, переходит на крик.

Мартин. Я сделаю все, чтобы уничтожить ее уверенность, силу, власть. Все... Она всегда держала меня в отдалении. Она старалась только унижать меня... Она никогда не замечала, как я любил ее, как нуждался в ней. Но сегодня я чувствую одну только ненависть. Как просто. Я хочу видеть ее слабой, раздавленной, одинокой. Помогите мне. Я сделаю все, что ты захочешь, все, все, чтобы добиться этого.

Ашенбах дает Мартину успокоиться. Теперь юноша расслаблен, он выглядит усталым, обессиленным от внутренней борьбы, но счастливым. Молчание. Мартин поднимает глаза на Ашенбаха: никакого страха и даже более того, впервые в своей жизни он чувствует уверенность. Ашенбах говорит твердо, но очень тихо.

Ашенбах. Да, Мартин, я помогу тебе... Я не оставляю его больше в покое.

Сцена 102

Замок. Столовая. Ночь. За большим обеденным столом собралось всего пять человек, которые сидят так:

	Фридрих	
Мартин		Ашенбах
	Софи	Гюнтер

Все сидят довольно далеко друг от друга. Едят медленно, неохотно. Атмосфера напряжена, кажется, достаточно ничтожного повода, чтобы разразилась буря. Звон бокала о бокал, стук неловко положенного прибора — единственные редкие звуки, которые придают этому тягостному молчанию особый смысл. Вокруг под строгим присмотром мажордома, согласно заведенному порядку, двигаются слуги. Фридрих мрачен, его гне-

тут темные мысли. Голова ушла в плечи, спина слегка сутулится, под глазами круги, появились новые складки морщин. Кажется, будто он становится все больше похож на старого Иоахима, место которого за столом он теперь занимает. Неожиданно Фридрих мягко ударяет ладонью по столу; повторяет движение; собирается сделать это в третий раз, но останавливает себя. Убирает руку, как бы не желая подражать привычкам старого Иоахима. Вместе с тем он испытывает ужасную неловкость, потому что теперь на него обращены взгляды всех присутствующих, кроме Гюнтера, который выглядит безучастным. Мартин оборачивается к кузену, его голос выдает человека, который выпил больше положенного.

Мартин. Гюнтер!..

Гюнтер смотрит на него, Мартин с иронической вежливостью продолжает:

...Прояви немного внимания. Дядя Фридрих собирается что-то сказать.

Ледяное молчание. Фридрих содрогается. Мартин делает вид, что не замечает этого, и продолжает:

...(Фридриху.) Держу пари, что ты собираешься объявить день свадьбы. (Мартин поднимает бокал.) Постараюсь не пропустить! (Пьет.)

Фридрих взрывается. Он с силой ударяет кулаком по столу.

Фридрих. Ты уж конечно не пропустишь! И другие тоже! Произнося «и другие тоже», Фридрих намеренно смотрит на Гюнтера и Ашенбаха. Все выглядят равнодушными и уставшими, пока Фридрих пытается взять себя в руки.

Мартин. Ты, вероятно, хотел сказать, «другие, которые еще остались»...

Фридрих (не обращая внимания на Мартина). Я взял на себя всю тяжесть ответственности не только за сталелитейные заводы, но и за семью... Поэтому я хочу, чтобы с привычкой к вольности было покончено...

Ашенбах (обрывая, с издевкой). Прости меня, Фридрих... Не хочешь ли ты и меня включить в число твоих подданных!.. Я гость.

Фридрих (иронически). О нет, нет, дорогой кузен... я бы не посмел. Но имей немного терпения.

Гюнтер распрямляется, как пружина.

Гюнтер. Простите меня.

Собирается уйти, но Фридрих его останавливает.

Фридрих. Гюнтер, я еще не закончил.

Гюнтер. Все эти вопросы меня не касаются.

Фридрих. Касаются и тебя, поскольку ты живешь в этом доме.

Гюнтер. Я не просил вас оставлять меня, и я задержусь здесь недолго.

Фридрих (*кричит*). Я приказываю тебе! Вернись на свое место.

Гюнтер дрожит от гнева, но возвращается. Садится. Фридрих, прежде чем начать говорить, пытается взять себя в руки. Он не может совладать с собой, не найдя глазами Софи, которая выглядит совершенно спокойной.

Фридрих. Возможно, сейчас пришло время сказать правду. (*Указывая на Мартина и Гюнтера.*) Ни один из вас не удостоился явиться на открытие новых цехов... По той или иной причине, но каждый из вас пренебрег строгими семейными обязательствами. Ваше отсутствие было мною замечено, и я хочу, чтобы подобное больше не повторялось.

Его тон безапелляционен. Пока Фридрих говорит, камера следит за равнодушным лицом Ашенбаха — лицом предателя.

Фридрих, все более возбуждаясь, продолжает говорить.

Фридрих. Что означают все эти расследования, неожиданные проверки, визиты, шпионы, слежки, установленные секретной службой за моими доверенными сотрудниками? Что это значит? Последнее время заводы будто на осадном положении, невозможно, чтобы все это происходило без вашего ведома!.. Объясните мне! Уверяю вас, что никто не покинет этой комнаты до тех пор, пока не будет сказано все, что должно быть сказано.

[Сцена 103

Площадь перед замком и вход. Натура. Ночь. Открываются большие ворота; в них въезжает автомобиль, который останавливается у главного входа. Выходит шофер, подходит к боковой двери и открывает ее. Из автомобиля выходит человек, которого мы не можем узнать. Сторож выходит к нему навстречу. Останавливается в замешательстве. Затем с почтением приветствует. К незнакомцу подходят две собаки, обнюхивают его, радостно виляя хвостами. Человек направляется к входу.]

[Сцена 104

Замок. Коридор и проходная комната, ведущая в столовую. Интерьер. Ночь. Человек, приехавший в автомобиле, оставляет

шарф и пальто мажордому, который принимает их с уважительным поклоном, и направляется в столовую, откуда доносится голос Ашенбаха.

Г о л о с. А ш е н б а х а. Но ведь ты сам этого хотел, ты нарушил наш союз...

Человек останавливается на пороге и смотрит в столовую.
Издалека мы видим собравшихся.

А ш е н б а х (*все время держится спокойно*). Ты должен был ожидать моей реакции... Ты должен был предвидеть, что указ, подобный тому, что ты получил, всего лишь клочок бумаги, в то время как мы... мы, СС,— реальность.

Ф р и д р и х. Ну скажи тогда!.. Что ты намерен делать, что ты еще от меня хочешь?]

Сцена 105

Замок. Столовая. Интерьер. Ночь. Фридрих уже не в состоянии контролировать себя. Он кричит на Ашенбаха. Все поворачиваются и с удивлением смотрят на дверь. Фридрих и Софи бледнеют. Гюнтер делает несколько шагов навстречу вновь прибывшему, которым оказывается не кто иной, как Герберт. Он постарел, исхудал, устал, но не утратил ни спокойствия, ни силы характера. На приветствие Гюнтера он отвечает улыбкой. Медленно идет вперед.

Подходит к столу. Останавливается рядом с Мартином.

Г е р б е р т. Мне можно сесть?

Никто не осмеливается ответить. Герберт занимает место между Мартином и Фридрихом напротив Ашенбаха. Поворачивается к Фридриху.

Г е р б е р т. В тот вечер я сидел здесь.

Фридрих молчит. Герберт, воспользовавшись этим, продолжает.

Г е р б е р т. Я хочу сказать совсем немного... Элизабет и девочки сели в поезд на Зальцбург утром 18 июня.

Смотрит на Фридриха, потом на Софи и добавляет:

...Они не доехали до пункта назначения.

Тягостное молчание. Гюнтер поражен.

...(Софи.) Знаешь, куда их привезли?

Софи молчит.

...(Фридриху.) И ты не знаешь? Их отвезли туда, куда вы решили. В Дахау, в лагерь для интернированных. (Софи, иронически.) Да, я знаю, вы не желали им зла, вы только хотели заставить меня

вернуться, в интересах справедливости, разумеется, и... дела. Вы хотели избавиться от человека, который мог бы в один прекрасный день явиться и сказать: да, действительно, Иоахим фон Эссенбек был убит из пистолета Герберта; но рука, державшая пистолет, была не его, а другого человека.

Фридрих, пытаясь защититься, переходит в наступление.

Фридрих. Чего же ты хочешь?

Герберт. Ничего... *(В тоне его обреченность, но ему удастся сохранить поразительное спокойствие.)* Вы достигли цели... Я вернулся, чтобы сдать в руки гестапо... Взамен они оставят девочек...

Софи и Фридрих переглядываются.

...Дети не станут рассказывать... никакой опасности...

Фридрих и Софи обеспокоены, они хотят узнать что-то другое.

Герберт наблюдает за выражением их лиц и замечает это.

...И Элизабет будет молчать. *(Пауза.)* Она умерла...

Долгое молчание. Гюнтер потрясен, он смотрит на Софи и Фридриха. Он хотел бы кричать, но его губы лишь слегка шевелятся. Он умоляюще смотрит на Герберта, потому что не верит услышанному.

Медленно трясет головой.

Герберт *(очень тихо, словно сам с собой)*. Это так, Гюнтер. Необходимо, чтобы кто-то знал это, и помнил, и рассказал об этом другим, чтобы и другие тоже знали и не смогли забыть.

Долгое молчание. Потом Герберт поднимается и медленно уходит. Гюнтер окаменел. Вдруг он срывается, хочет догнать Герберта, кричит.

Гюнтер. Дядя Герберт! Подожди меня!

Мартин бежит за ним, хватая его, не пускает. Гюнтер вырывается. ...оставь меня...

Короткая борьба.

Мартин. Гюнтер! Куда ты? Гюнтер! Гюнтер! Остановись! Куда ты собрался идти, идиот?!

Мартину удается обхватить и удержать Гюнтера.

...Ты хочешь уйти с самого интересного? Идиот.

Софи вскакивает.

Софи. Мартин!..

Мартин. Пойдем со мной, пойдем, пойдем...

Мартин заставляет Гюнтера посмотреть на Фридриха.

Мартин. Посмотри на него! *(Гюнтеру.)* Это он убил твоего отца! Он, своими руками!.. Ты не веришь мне?.. Почему же ты его самого не спросишь? *(Фридриху.)* Скажи ему... Сколько раз ты стрелял,

один, два?.. три? Теперь-то можешь ему сказать! Кто проверит? Все словно парализованы. Только Ашенбах равнодушен. Гюнтер с ненавистью и отчаянием смотрит на Фридриха. Мартин, заметив, что юноша больше не вырывается, слегка ослабляет хватку. Софи в гневе. Она бешено и жестоко смотрит на Мартина.

Софи (*очень тихо, шипя*). Зачем ты это сделал?.. Зачем ты это сделал? Зачем?

Мартин. Но ведь Фридрих сам сказал (*показывая на Фридриха*)... что сегодня должно быть сказано все, что необходимо сказать... (*Софи*.) Я вел себя соответственно! Разве не этого хотел от нас хозяин...

Фридрих встает и подходит к Мартину.

Фридрих. Я заставлю тебя заплатить за это, грязный интриган.

Мартин улыбается ему, провоцируя.

Мартин. Ты все еще не понимаешь, что здесь, в нашем доме, кое-что меняется?.. (*С абсолютным спокойствием*.) Я больше не боюсь тебя, Фридрих... и хотя тебе это покажется парадоксальным, если и есть среди нас кто-то, кому следовало бы бояться... так это тебе... с этой минуты и навсегда. (*Спокойно обращаясь к Софи*.) И тебе, мама. Фридрих вопросительно смотрит на Ашенбаха. Тот выглядит безучастным. Ашенбах встает. Фридрих пылливо вглядывается в холодное и злое лицо Мартина. И неожиданно чувствует, что оно вызывает в нем страх. Он облокачивается на стол. Софи впервые поддается панике. Она подходит к сыну.

Мартин продолжает улыбаться. Софи хватается его за плечи.

Софи. Что ты хочешь от Фридриха?

Напряженное молчание. Затем Мартин, продолжая улыбаться, спокойно отвечает.

Мартин. Все.

Софи не верит услышанному. Она смотрит на Ашенбаха, словно надеясь на опровержение. Но на лице Ашенбаха можно прочесть только беспорное подтверждение. Софи еще сильнее сжимает сына, встряхивает его.

Софи. Ты безумец, Мартин!

Мартин, все с тем же абсолютным спокойствием.

Мартин. Я хочу все, мама. И я возьму все. Все, что принадлежит мне.

Софи взрывается. Она виснет на плечах сына.

Софи (*кричит*). Я не позволю тебе этого!..

Мартин. Мама...

Мартин продолжает улыбаться, она бессмысленно пытается заставить его опуститься на колени.

Софи. Проси прощения... На колени, проси прощения!..

Мартин. Мама!

Мартин перехватывает ее руки, жестоко стискивает запястья. Софи снова кричит.

Софи (*за кадром*): Встань на колени! И проси прощения. (*Софи оседает, соскальзывает вдоль тела сына, пока сама не оказывается на коленях.*) Встань на колени!.. (*Она уже не кричит, умоляет, просит.*) Встань на колени...

Мартин. Нет...

Молчание. Мартин помогает матери подняться. Софи поворачивается к Фридриху; ее глаза широко раскрыты: в них пустота и отчаяние. Фридрих подходит к ней, поддерживает ее.

Софи (*Фридриху, с нелепой, безумной безмятежностью*). Завтра Мартин передумает, ты увидишь...

Фридрих нежно ведет ее к двери.

...И он попросит у меня прощения... Он раскается...

Мартин со злобщей улыбкой наблюдает, как Фридрих и Софи выходят из комнаты.

Фридрих. Пойдем, пойдем.

Гюнтер все это время стоит молча и неподвижно. Мартин обменивается взглядами с Ашенбахом, потом подходит к кузену. Но Гюнтер, кажется, не замечает его.

Мартин. Гюнтер...

Юноша не отвечает.

Наплыв. Та же сцена. Первые рассветные лучи. Мартин и Ашенбах все еще там. Гюнтер все так же неподвижен. Только его глаза необычайно оживлены: в них нет прежней нежности, только ненависть и гнев, которые могут испугать. Он подходит к Мартину и умоляюще просит.

Гюнтер (*словно сам с собой*). Я убью его... Если ты хочешь, я убью его.

Он ждет ответа. Мартин смотрит на него долгим, удовлетворенным взглядом. Потом поворачивается к Ашенбаху. Тот кивает. Подходит к Гюнтеру, по-отечески кладет ему на плечо руку. Отходит с ним вместе. Юноша покорно следует за ним, смотрит на него доверчиво, как человек, который жаждет иметь защитника и наставника. Ашенбах говорит убедительно.

Ашенбах. Видишь ли, Гюнтер, сегодня ночью ты выиграл нечто совершенно необычайное... Жестокость твоего отца, честолюбие Фридриха, жестокость того же Мартина...

Мартин безразличной ухмылкой реагирует на эти слова.
...ничто по сравнению с тем, что есть теперь у тебя.

Гюнтер внимательно слушает Ашенбаха, речи которого приводят его в состояние экзальтации.

...Ненависть, Гюнтер... у тебя есть ненависть. Молодая ненависть... чистая... абсолютная... Но будь осторожен. Этот кладезь гнева и энергии слишком огромен, чтобы превращать его в повод для личной мести... Это была бы слишком большая роскошь, бессмысленная трата времени... Чтобы уничтожить Фридриха, достаточно укуса ядовитой змеи.

Злобная и торжествующая гримаса искажает лицо Мартина.
...Ты пойдешь со мной, Гюнтер. Мы научим тебя владеть этим твоим беспредельным богатством, использовать его как можно правильнее... Ты ведь понимаешь, не так ли?

Гюнтер механически кивает головой в знак согласия.

Гюнтер. Конечно.

Гюнтер смотрит на Ашенбаха с благоговейной признательностью.

Мартин. Гюнтер! Иди!

Гюнтер механически кивает головой: да. Идет, останавливается, поворачивается к Мартину. Кузен для него больше не враг. Гюнтер доверчиво смотрит ему в глаза, словно узнавая в нем себя. Мартин принимает этот взгляд. Раскрывает объятия, ждет. Высвободившись из объятий кузена, Гюнтер уходит, за ним, как тень, следует Ашенбах. Мартин глазами провожает их, затем подходит к огромному опустевшему столу, обводит его властным взглядом. Преувеличенно торжественным шагом направляется к месту, которое занимали Иоахим и Фридрих. Поглаживает высокую спинку монументального кресла. Садится. Смотрит прямо перед собой, потом направо, налево; он удовлетворен, словно по обе стороны от него сидят многочисленные гости. Кладет руку на стол. Улыбается, будто ему вспомнилось или привиделось нечто очень значительное, удивительное. Медленно трижды ударяет ладонью по столу.

Сцена 106

Замок. Гостиная. Интерьер. День. В гостиную входят Эрика и Тильда, дочери Герберта и Элизабет. Они возвращаются в свой дом. Их сопровождает гувернантка. Слуги торопливо забирают у них

багаж. Лица Эрики и Тильды. Девочки похудели, бледны, изнурены. Их глаза, полные растерянности и страха, блуждают по сторонам.

Сцена 107

Замок. Комната Иоахима. Интерьер. Ночь. Комната старого Иоахима слабо освещена ночником.

Мартин обследует комнату, отчаянно ищет ампулу с морфием. Наконец находит. Руки его дрожат, пока он вскрывает ее и наполняет шприц. Он оглядывается, не следит ли кто за ним. Затем делает себе укол в ногу. Когда мать входит в комнату, наркотик уже оказывает свое действие.

Софи. Мартин, чем ты здесь занимаешься? Мартин, что ты здесь делаешь?

За его спиной легкий шум шагов. Потом тишина. Он даже не поворачивает головы. На его лице вспыхивает неприязненная ледяная улыбка.

Мартин. Уходи отсюда, мама, уходи... Это он тебя прислал?..

В глазах Мартина давняя глубокая обида.

Софи. Почему ты так ненавидишь его?

Мартин гадко улыбается. Софи упорствует.

...И меня, свою мать, ты тоже ненавидишь?

Мартин продолжает молчать и улыбаться. Софи чувствует, что первая попытка провалилась.

Мартин отходит. Повторяет очень тихо.

Мартин. Я тебе сказал: уходи, прошу тебя, уходи, прошу тебя...

Софи не двигается. Долгое молчание. Мартин идет к кровати, но опускается на пол. Он сидит скрючившись, понуря голову; если бы не его ненавидящий взгляд, могло бы показаться, что это обиженный ребенок. И именно таким, должно быть, увидела его Софи, потому что она подходит к нему, по-матерински желая защитить, ложится на кровать, чтобы быть ближе и поговорить.

Софи. Ты не понимаешь, как это рискованно — попасться в руки Ашенбаха... Как ты мог довериться ему?

Мартин *(не поднимая головы)*. Мне следовало бы довериться тебе?

Софи. Послушай, Мартин...

Но Мартин, который так долго ждал, неожиданно взрывается: он поворачивается к ней, его лицо искажено гневом.

М а р т и н. Послушай ты, мама. Не Ашенбах меня пугает... И не Фридрих... А ты, мама... ты всегда была моим кошмаром... твой гнет, твоё желание поработить меня любой ценой, любым способом, твоими париками и покрашенными губами...

Софи хочет возразить, но бешенство Мартина не знает границ. ...Ты никогда не любила меня... Ты всегда предпочитала его... ты ему отдала все... все, что принадлежало мне... Мой завод, мои деньги, мой дом... Кусок за куском!.. И даже мое имя!.. И свою любовь... Ты самая плохая, и я ненавижу тебя! (*Кричит.*)

Мартин поднимается, отходит от кровати; затем, секунду помолчав, он оборачивается к матери и начинает раздеваться, швыряя одежду на кровать, рядом с матерью. Потом подходит к кровати и двумя сильными движениями рвет на Софи платье.

...Ты даже не можешь себе представить, сколько зла я желаю тебе!.. И я уничтожу тебя!

С о ф и. Мартин!.. Нет!..

Руки сына подавили сопротивление Софи; с этого момента между ними все происходит почти механически. Оба продолжают, не зная почему. У Софи отсутствующий, потусторонний взгляд, хотя она и отвечает на ласки сына.

Сцена 108

Замок. Комната Софи. Интерьер. Рассвет. Две руки долго играют с завитком белых волос; фотография Мартина, пара детских ботиночек, матросская бескозырка, тетрадь.

Это Софи, она уже безумна.

Софи совершенно неподвижно лежит на большой кровати. Она одна. Глаза открыты: во взгляде оцепенение, как у человека, страдающего галлюцинациями. Медленно поднимается, будто влекомая чужой силой. [Софи медленно поднимается с кровати. Остекленевший взгляд, беспорядочные движения, волосы распущены, платье в беспорядке. Короткими, вялыми, неуверенными шагами подходит к большому зеркалу. Останавливается, смотрит в него и как будто не узнает себя.]

Сцена 109

Замок. Библиотека. Интерьер. Натура. День. Вместе с Фридрихом мы смотрим на парк, окружающий замок. У ворот в карауле стоят несколько эсэсовцев. По аллее подъезжает автомобиль. Останавливается, из него выходят эсэсовцы, которые сменяют прежнюю охра-

ну. Те, что были в карауле, садятся в автомобиль и уезжают. Новые караульные заступают на свой пост у дверей замка.

Сцена 110

Замок. Комната Софи. Интерьер. Рассвет. Открывается дверь, и входит Фридрих. Останавливается, смотрит на... Софи, которая, лежа на кровати, все еще пытается играть с предметами, напоминающими ей сына.

Фридрих. Софи...

Она не отвечает. Фридрих подходит ближе. Говорит громче. Из дверей, вслух в смежную комнату, выходит сиделка. Потрясенный, Фридрих в растерянности останавливается. Потом говорит снова:

...Надо что-то делать... Мы не можем здесь оставаться, мы отрезаны от мира, мы арестанты в собственном доме... Люди Ашенбаха следят за нами! Софи!

Софи продолжает молчать, Фридрих подходит к кровати и садится рядом с Софи.

...*(Решившись.)* Я не позволю, чтобы нас уничтожили таким образом. Я научился убивать, Софи, я... игра еще не сделана, и я пойду до конца... Но ты тоже должна этого хотеть. Ты должна помочь мне.

Фридрих еще ближе придвигается к Софи.

...*(С нарастающим воодушевлением.)* И Мартину не удастся отнять у меня то, чего я достиг... Я уничтожу его.

Слова Фридриха оставляют Софи равнодушной.

...Но ты нужна мне, Софи... Только ты...

Софи не отвечает. Она смотрит на него, не понимая. Фридрих встряхивает ее.

...*(Кричит, умоляет.)* Софи!.. Ты нужна мне! Софи... Без тебя я ничего не смогу... Не оставляй меня сейчас... Не оставляй меня одного. Заклинаю тебя, не покидай меня и ты, не покидай...

Софи долго и тупо смотрит на него, на миг в ее глазах появляется проблеск света; она пытается собраться с силами, удержать этот свет. Но это только миг: она отказывается от попытки, качает головой. Подходит сиделка, готовит все для укола, который Софи с покорностью позволяет сделать. Фридрих потрясен, он плачет, голос измняет ему, он издает почти нечеловеческий вой, который резко обрывает, услышав стук в дверь. Это доктор, который пришел с обычным визитом. Фридрих выходит. Доктор проверяет пульс Софи. Медленная панорама с рук доктора вверх на лицо Софи, на те-

традки маленького Мартина, которые раскрыты таким образом, что можно разглядеть рисунки и подписи под ними.

Мартин и мама. (Martin und Mutter)

Мартин убивает маму. (Martin todd Mutter)

Два детских рисунка. На одном из них нарисована женщина, пронзенная кинжалом.

Сцена 111

Замок. Площадь перед ним и вестибюль. Натура. Интерьер. Ночь. Тихо шуршит гравий аллей, из темноты парка появляются несколько автомобилей и останавливаются неподалеку от главного входа. Дверцы распахиваются, и из машин выходят очень странные типы: парни, прожигающие жизнь, распутные девки — люди вульгарные и недостойные знакомства. Это странное общество возглавляет Мартин. По всей вероятности, он подцепил их в пользующихся дурной репутацией заведениях Мюнхена. Мартин подходит к главному входу, изо всех сил толкает дверь. Затем поворачивается к остальным, приглашая их войти.

Мартин. Заходите!

И входит первым, поднимается по монументальной лестнице, которая ведет в верхние этажи замка, волоча за руку девицу. Это Ольга.

Сцена 112

Замок. Комната Фридриха. Интерьер. Ночь. Фридрих сидит за письменным столом. Он почти закончил одеваться. Неожиданно: шум, отдаленные голоса за кадром. Фридрих поднимает глаза на открытую дверь... из которой появляется Мартин в форме СС. Он закрывает за собой дверь. Снова становится тихо. Мартин подходит к Фридриху.

Мартин. Я прихватил нескольких друзей. Иначе что за праздник.

Фридрих горько улыбается.

...Ты подавлен. А ведь это день твоей свадьбы... Фридрих фон Эссенбек.

Фридрих не отвечает, он идет в соседнюю комнату. Роеся в бумагах, берет папку и протягивает ее Мартину.

Мартин. Спасибо. Премного благодарен.

Юноша, довольно улыбаясь, перелистывает бумаги, потом аккуратно складывает листочки, рвет их и бросает в воздух.

Мартин. Это была всего лишь бумага, Фридрих, ты ошибся,

придавая ей такое большое значение. В наше время не стоит доверять указам.

Мартин смотрит на Фридриха.

М а р т и н (*язвительно*). Ашенбах говорит, что ты ничего не понял в национал-социализме... Хотя это и не трудно. Даже я теперь понял.

Фридрих не знает, как реагировать. Он выглядит состарившимся, уничтоженным. Мартин идет к двери, но останавливается, чтобы сказать Фридриху последнее слово.

М а р т и н. Теперь поторопись, Фридрих. Мама ждет тебя.

Сцена 113

Замок. Вход, прихожая и комната Софи. Интерьер. Ночь. Мартин подходит к комнате матери. Входит. На мгновение останавливается, чтобы посмотреть на мать, потом подходит к ней. В руке у него роза. Он подходит ближе и деликатно вставляет розу за край декольте. Софи стоит перед зеркалом. Сиделка заканчивает ее туалет. Софи дает привести себя в порядок, как манекен. Надевает замшевые туфли, вечернее платье из матового шелка того же цвета. Грим Софи выбран специально, чтобы резко подчеркнуть контраст с бледностью лица и угасшим взглядом. Сиделка вставляет ей в волосы золотые шпильки.

Сцена 114

Замок. Библиотека. Гостиная. Лоджия. Интерьер. Ночь. Странное общество заполняет комнаты замка, роится то в библиотеке, то в гостиной. Эти странные гости поначалу, кажется, испытывали робость, как от обстановки замка, так и от незримого присутствия хозяев, силу личности которых они ощущают во всем.

Музыка. Неизвестно где раздобытый старый патефон приведен в действие. Старая грубоватая песня разнесится по дому. Постепенно гости Мартина осваиваются в замке, некоторые развалились на диванах и в креслах, другие, их меньше, танцуют. Все происходит в неестественном молчании, как будто здесь собрались призраки. Мартин входит в гостиную, останавливается, осматривается. Потом решительно направляется к массивному подсвечнику.

М а р т и н. Зажигайте свечи, ну... Давайте, ну...

Кое-кто следует его примеру. Едва зажжены свечи, как Мартин снова начинает торопить друзей, которые было вернулись к своим бокалам и танцам. Он приглашает их к месту церемонии, на этот

раз все следуют за ним. Ольга с досадой разбивает об пол свой бокал и выходит из гостиной последней.

Сцена 115

Замок. Большая лестница и большая гостиная. Интерьер. Ночь. Софи под руку с Фридрихом входит в лоджию. Мартин устремляется навстречу супружеской чете и поправляет черную вуаль на лице матери. Тщательно проверяет детали, будто он режиссер спектакля. Мартин приглашает их спускаться и сам идет впереди. Софи все время держит под руку Фридриха. За ними следует сиделка. Они спускаются по лестнице, ведущей в гостиную. Завидев гостей, Софи на миг приходит в замешательство и останавливается. Теперь редкая толпа гостей расступается, чтобы пропустить новобрачных. Они медленно идут вперед. Софи с необычайной серьезностью и смиренной улыбкой идет, как королева, между двумя флангами гостей. Мартин впереди новобрачных, глазами он подает команды друзьям, следующим за кортежем, как себя вести, какие делать жесты.

Сцена 116

Замок. Небольшая гостиная, примыкающая к залу. Интерьер. Ночь. В гостиной, превращенной в капеллу, перед чем-то вроде алтаря стоит священник.

Это типичный обрядовый алтарь наци. Нет ни крестов, ни образов, никакой другой религиозной символики. На стене свастика. На алтаре: справа — «Майн кампф», слева — шпага. Чета подходит к алтарю. Священник приближается к новобрачным. Странные гости толпятся у двери. С удивлением и любопытством взирают на эту зловещую церемонию.

Священник обращается к жениху и невесте.

Священник. Уточните, принадлежите ли вы к арийской расе?

Софи. Да.

Фридрих. Да.

Фридрих с отчаянием смотрит на Софи. Священник берет в руки толстую книгу и ручку; подходит к новобрачным. Софи и Фридрих расписываются. Поставив свои подписи, новобрачные надолго застыбают. Мартин, откупорив бутылку шампанского, наполняет два бокала и подносит супругам.

Гости смущенно поднимают бокалы, молча пьют, окружив супругов... Затянувшееся молчание. Затем Фридрих и Софи под

руку направляются в соседнюю гостиную. По пути Софи иногда протягивает руку, которую кто-то пожимает.

Софи. Спасибо, что пришли. Спасибо.

Мартин идет впереди. Открывает дверь гостиной, пропускает их и останавливает сиделку. Сам входит за ними.

Сцена 117

Замок. Комната Софи. Интерьер. Рассвет. Фридрих и Софи входят в комнату. Софи устало опускается на кушетку. Фридрих подходит к окну. Мартин, который все это время неотступно шел за ними, проходит в комнату, вынимает из портсигара два изящных флакончика с цианистым калием и ставит их на стол перед Софи и Фридрихом, которые теперь одеревенело сидят на диване. Потом отходит. Смотрит на обоих со значением и решительно удаляется. Из гостиной доносится музыка. Звучит песня Колло Nachts ging das Telefon ¹.

Сцена 118

Замок. Гостиная. Интерьер. Ночь, потом рассвет. Мартин возвращается в гостиную. Кто-то все еще танцует, остальные разбрелись. Мартин в большом напряжении, он весь взмок; он тушит канделябры, потом приказывает двум ээсовцам встать у дверей в комнату Софи и Фридриха. Песня Колло Nachts Ging Das Telefon. Мартин нервничает, он мечется по гостиной. Он один, без женщины и без бокала в руке.

Занимается рассвет. На диване и на полу спят гости. Гостиная кажется пустой. В углу Мартин, танцующий с Ольгой. Взгляд Мартина неподвижен, он механически повторяет движения Ольги. Неожиданно Мартин обрывает танец. Берет фуражку и, почти не скрывая любопытства, решительно направляется в комнату Софи.

Сцена 119

Замок. Коридор. Прихожая в апартаментах Софи. Интерьер. Рассвет. Медленный проход Мартина через залы замка. Мартин подходит к двери, которая ведет в гостиную, где он оставил Софи и Фридриха. Мартин входит. На минуту его охватывают замешательство и смятение. Он останавливается у двери.

¹ «Ночью позвонил телефон...» (нем.)

Сцена 120

Замок. Гостиная Софи. Интерьер. Рассвет. Фридрих вытянулся на диване. Рука его касается пола, рядом пустая склянка. Глаза открыты и уставлены в пол. Софи сидит на кушетке, голова ее откинута и упирается в стену. Даже в этой зловещей, нелепой позе она сохраняет аристократическое достоинство. На полу две пустые склянки. Лицо Мартина искажается надменной и ироничной улыбкой. Мартин выходит на середину гостиной и медленно поднимает руку в нацистском приветствии. И в этой гротесковой позе застывает.